

ВЕРБАРИУМ

АНТОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Бар-Яалом Баткен Валентинов Воров Гелприн Иванченко Клещенко Куцопя Кудрявцев
Кузнецова Лебединская Михеева Олди Пальцин Резанова Ситников Трещиновская Шелли

Ярослав Веров
Юлиана Лебединская
Сергей Пальцун
Ася Михеева
Андрей Валентинов
Елена Клещенко
Майк Гелприн
Далия Мееровна Трускиновская
Юрий Яковлевич Иваниченко
Наталья Владимировна Резанова
Генри Лайон Олди
Ярослав Кудлач
Екатерина Юрьевна Кузнецова
Эли Бар-Яалом
Алексей В. Андреев
Константин Ситников
Ника Батхен
Вербариум

Серия «Антологии (Снежный ком)»

Аннотация

Вначале было Слово. Именно оно – самый драгоценный дар, полученный людьми. А потом начались сложные отношения между Человеком и Словом. В их дружбе, вражде и сотрудничестве родилась особая магия – ее-то мы теперь и называем литературой.

Герои рассказов и повестей в этой книге – Буква, Слово, Речь, Текст, Книга. Думаете, жизнь этих героев скучна и правильна, как учебник грамматики? Нет! Она полна опасных и прекрасных приключений! И выстрелы прогремят, и бурные страсти вскипят, и снова схватятся в драке Добро и Зло. На то и фантастика, чтобы сказать наконец правду о боевом, решительном, побеждающем врагов и выручающем из беды друзей Слове. Думаете, это выдумка? Обернитесь – вот оно, Слово в десантном комбезе и с оружием в руке...

Содержание

Буква	7
Ярослав Веров	7
Майк Гелприн	36
Слово	46
Ярослав Кудлач	46
Сергей Пальцун	59
Юлиана Лебединская	71
1. Клис вне традиций	71
2. Жареный глагол	77
3. Безглаголие, или О пользе филологов	86
4. Божественное прилагательное	90
Имя	96
Ника Батхен	96
Язык	125
Эли Бар-Яалом	125
1	125
2	126
3	127
4	129
5	130
6	131
7	133
8	134

9	136
10	136
11	137
12	139
Мерси Шелли	143
Конец ознакомительного фрагмента.	162

**Генри Лайон Олди, Андрей
Валентинов, Майк Гелприн,
Далия Трускиновская,
Ярослав Веров, Юлиана
Лебединская, Ника Батхен,
Эли Бар-Яалом, Алексей
В. Андреев, Константин
Ситников, Елена
Клещенко, Ася Михеева,
Юрий Иваниченко,
Екатерина Кузнецова,
Наталья Резанова, Ярослав
Кудлач, Сергей Пальцун
Вербариум**

нистического магазинчика.

Звякнул колокольчик, изнутри дохнуло прохладой, Репкин направился к прилавку.

Продавец скептически глянул на щуплого молодого человека и спросил:

– Чем интересуемся?

– Мне бы фантастику, что-нибудь боевое.

– Понимаю, – с неким сочувствием кивнул букинист. – Извините, ничего боевого не держим, времена сами знаете, какие. Вегетарианские времена.

– Как? – воскликнул студент. – И у вас тоже?!

Репкин вздохнул. Сокрушённо оглядел сумрачные стеллажи.

– Что же мне читать тогда? Целый год вегетарианствую. Совсем уж неумоготу!

– Что, до тошноты дошло? – со знанием дела уточнил продавец.

– Нет ещё. Но тоскливо очень.

– Что ж, – букинист бросил ещё один скептический взгляд. – Таким я вас не отпущу. Фантастики, – он понизил голос, – сейчас нет.

И профессионально убедительным тоном веско прибавил:

– Но есть специальная литература.

– Специальная? – В глазах Репкина вспыхнул интерес. – Неужели военная?

Букинист сдержанно улыбнулся, повернулся к стеллажу и

нажал скрытую кнопку – заблокировал вход в магазин. Одна из полок ушла в стену. В образовавшейся нише возник увесистый том.

– Пожалуйста, – протянул букинист книгу. – «Боевой алфавит воина-десантника». Имейте в виду, юноша, – инкунабула.

– Но позвольте! Это том на букву «Т». А есть остальные?

– Прошу прощения, молодой человек. Больше тома в одни руки давать не положено.

– Кем это не положено?

– Это – секретная информация. Так берёте или нет?

– Дорого, наверное?

– На специальную литературу – специальные расценки. Три тысячи бозе-эквивалентов. Считайте, что получили книгу в прокат.

Со свёртком под мышкой студент покинул лавку.

Вечером студент Репкин, весь день оттягивавший сладостный миг, раскрыл вожаденный том энциклопедии и с удивлением обнаружил, что весь он посвящён устройству под названием «Телескоп боевой, многофункциональный». Но не успел Репкин прочесть первую волнующую фразу: «Воин-десантник! По получении Боевого телескопа внимательно ознакомься с настоящей инструкцией!», – как грянул звонок в дверь.

– Кого там чёрт несёт? – возмутился Репкин.

В дверях стоял посыльный. У ног его была большая ко-

робка.

– Вы получатель тома на букву «Т»?

– Я.

– Это вам. Распишитесь.

Репкин расписался и втащил коробку в прихожую. Вскрыл. В коробке обнаружилось: Боевой телескоп защитного цвета, кресло к Боевому телескопу, набор инструментов для юстировки и набор тряпочек и щёточек для прочистки оптики, комплект камуфляжной формы воина-десантника с лычками сержанта, медпакет и патрон-талисман на кожаном шнурке.

«Ну что, сначала – форму. Для примерки».

Надев форму, студент Репкин ощутил себя полноценным воином-десантником в чине сержанта. Привычными движениями разгладил складки на кителе, затянул ремень, лихо заломил берет с кокардой в виде золотой буквы «Т» в обрамлении изящных крылышек. Попрыгал, проверяя подгонку снаряжения. Во фляге булькало.

Сержант Репкин снял флягу и проследовал на кухню. Своротил крышку, заправил флягу водой под самое горлышко. Теперь полный порядок, ни звенит, ни булькает. Теперь к Боевому телескопу!

Установив телескоп на штатив, согласно инструкции подсоединил к нему кресло, включил генератор бесперебойного питания. Открыл окно, внимательно оглядел звёздное небо – как будто всё спокойно. Можно приступать!

Сержант Репкин занял место в боевом кресле и, тщательно пристегнувшись, припал к окуляру Боевого телескопа. Тоненько взвыли гидроприводы, запищал гирокомпас стабилизации. Репкин завращал маховичком ручного наведения.

В окуляре мелькали цифры: азимут... угол места... дальность... потенциальная опасность...

Боевой телескоп искал цель, шарил по галактикам и межгалактическим скоплениям. Наконец раздался щелчок окончания поиска и наведения. Боевой телескоп смотрел прямо на цель.

Там, конечно, больная планета. На ней, конечно, всё время война... Там Боевой телескоп и будет в самый раз!

Сержант вдавил красную кнопку. Пуск!

Он стоял навтыжку перед седоусым генералом. Генерал смотрел прямо в глаза. Твёрдым волевым взглядом заматеревшего в боях старого дураля.

– Здесь командую я! – излагал генерал. – Я командую вверенным мне подразделением «Боевой Алфавит» на основании Боевого мандата на литеру «М»!

Сержант только сейчас заметил, что на бархатном берете генерала веско блещет золотая буква «М» в обрамлении широко раскинутых орлиных крыльев.

Генерал поглядел отеческим, верным взглядом отца-командира и спросил:

– Что у тебя, сынок?

– Боевой телескоп, товарищ генерал! – лихо отрапортовал

сержант.

– Так введи его скорее в сражение, солдат!

Генерал кивнул человеку в мышинного цвета кителе и во-все не десантской фуражке, на кокарде которой блестела «Б», почему-то в обрамлении рельсов, и вышел из штаба.

– Пойдёмте-ка, – просто сказал тот и направился к противоположным дверям.

Двери вели в небольшой тамбур.

– Сюда, – показал человек в кителе мышинного цвета и открыл следующую дверь.

– А куда же мой Боевой телескоп?

– Это потом.

Они прошли в следующее помещение, такое же узкое и длинное.

– Вот-с, молодой человек. Поздравляю с прибытием на мой бронепоезд «Бушующий», – просто, без аффектации произнёс человек в кителе. – Я, как вы понимаете, являюсь начальником бронепоезда.

«Так вот куда я попал – на бронепоезд! – подумал сержант. – Теперь всё становится ясным!»

– Мне, – продолжал начальник бронепоезда, – как вы догадываетесь, вышла командировка на букву «Б». Считаю своим долгом сообщить, что хотя я формально и состою в рядах боевого подразделения десантников, но боевой единицей себя не числю. Я человек штатский и прошу вас иметь это в виду. Все эти военные штучки – не по мне. Если что

такое услышу от вас – ссажу с бронепоезда немедленно! И генерал вам не поможет, мне генерал не указ! Уяснили это, надеюсь?

– Так точно!

– Что-о? – тихо, но весьма зловеще переспросил начальник бронепоезда.

– Прошу прощения, господин, э-э, командир...

– Как-как?

– Начальник бронепоезда «Бушующий»!

– Это уже лучше. Что ж. Ваш генерал желает, чтоб вы скорее включились в боевые действия. Это непорядок. А непорядка на моём бронепоезде я терпеть не намерен. Так-то-с. Пройдите-ка, молодой человек, к начальнику столовой, встаньте на довольствие. Как вы понимаете, буква «Д» досталась ему. Столовая вместе с кухней у нас там, – начальник показал рукой на противоположную дверь вагона. – Как у вас, военных, говорится – подальше от командования, поближе к кухне. Ну а как подкрепиться и утрясёте всё с начальником столовой, тогда я вам больше не хозяин. Тогда уж все вопросы к генералу. Вы меня понимаете?

– Так точ... Э-э, понимаю, господин начальник!

– Что ж, желаю успехов, молодой человек. И вот что ещё, это прошу запомнить хорошенько: на моём бронепоезде полагается вести себя по возможности спокойно, без суеты, не сеять панику и не ругаться матом, не повышать голоса, после отбоя по вагонам не бегать, не гадить в сортире где попало, а

также не царапать и не пачкать панели и двери. Запомнили? А теперь можете ступать, удачи.

Сержант, миновав пару вагонов, – каптёрку и расположение личного состава – прибыл в столовую. Здесь его встретил улыбчивый старшина в огромном крапчатом берете с такой же огромной буквой «Д» на нём. Бурые и зелёные пятна защитного комбинезона не в состоянии были замаскировать огромного старшинского пуза.

– О! Никак пополнение?

– Да вот, начальник бронепоезда послал.

– Что? Что такое? – Лицо старшины вмиг побагровело. – Почему не по уставу докладываешь, сержант? Почему честь не отдаёшь? Припух, салабон? А ну, выйди и войди как положено. И отдай честь дедушке-старшине со всем усердием! Двигай, давай.

Служба есть служба. Сержант вновь зашёл в столовую и, молодецки козырнув, отчеканил:

– Товарищ старшина, сержант на букву «Т» по приказанию начальника бронепоезда прибыл в ваше распоряжение!

– Какого ещё начальника? Все начальники умерли на грёбаной гражданке, сержант. Понял? А в боевом десанте есть командиры и есть подчинённые.

– Так точно! – молодецки рывкнул сержант.

– Ну? И какого лешего он тебя сюда послал?

– Встать на довольствие!

– Эх, какой ты резвый. Сразу видно – салабон. Ты пойд

повоюй, пускай тебе твой командир боевую задачу поставит. А вот как пробыёт время обеда – явишься в столовую, в общем строю. Понял? Тогда тебя и на довольствие поставим.

– Так точно, товарищ старшина, понял!

– Ну вот. А сейчас ты это... Раз уж явился – давай, двигай на кухню, поможешь повару начистить картошки. Вперёд. А то совсем исчахнет над своим котлом, чмо.

Сержант проследовал на кухню. Унылый, щуплый повар в мешком висящем комбинезоне вялыми движениями большого черпака помешивал в варочном котле похлёбку.

– А мне достался черпак Боевой, – грустно глядя на бравое лицо сержанта, то ли сообщил, то ли пожаловался он.

Два часа пролетели незаметно – за чисткой картофана служба летит сизым голубем. Несколько оживившийся в присутствии сержанта повар рассказал пару слащавых, совсем не боевых анекдотов, спел одну довольно нудную, но с игривым текстом песню про родной дом и невесту тётю Бетю; успел поведать историю своей жизни, впрочем такую же недостопримечательную, как и песня.

– Ну вот, хоть сегодня картошка на обед будет, – сообщил повар под конец, глядя на три ведра начищенной картошки.

– Что ж, я тогда пойду.

– Куда? – с тоскою в голосе поинтересовался повар.

– Да сам теперь не знаю...

– Тогда никуда не ходи. Зачем?

– Как же так? Что мне, у тебя на кухне оставаться?

– Оставайся, оставайся! – со странной ласковостью в голосе стал уговаривать повар.

– Что же я буду здесь делать? – удивился сержант.

– А чистить картошку...

Стремительным движением сержант покинул кухню.

И вынесло его на открытую платформу, высоко обложенную по периметру мешками с песком и накрытую сверху зелёной маскировочной сетью. На платформе помещалось одинокое семидесятипятимиллиметровое орудие. Рядом с орудием скучал на табуретке коренастый веснушчатый десантник в тельняшке, попыхивал сигареткой.

– Садись, сержант, – заговорил коренастый и вынул из кармана брюк мятую пачку. – На, кури. Новенький?

– Новенький, – доверительно сообщил Репкин, присаживаясь на мешок с песком.

– Я, между прочим, лейтенант. Командир этого Боевого орудия. Да сиди, это я так. Ты кто будешь?

– Боевой Телескоп.

– Жаль, что не Танк. Вот, раньше, до тебя, Танк был. Хлопец ничего был, свой парень. Тоже лейтенант. В песках накрылся, когда трезубы лавиной пошли. И танк у него хороший был, орудие сто пятьдесят миллиметров – это я понимаю. Ну а что твой телескоп?

– Телескоп способен обнаружить и идентифицировать любую цель на любых расстояниях вплоть до оптического горизонта Вселенной, – процитировал на память из «Инструк-

ции...» сержант Репкин.

Лейтенант загасил бычок о станину орудия и заинтересованным, улыбочивым взглядом посмотрел на сержанта.

– Ну-ка, ну-ка. А сквозь дымовую завесу берёт?

– Так точно, берёт, раз плюнуть, – Репкин сплюнул. – И через дымовую завесу, и через диффузную космическую материю, и через звёздные скопления – всё берёт.

Артиллерист аж крикнул и потёр руки.

– Теперь повоюем, сержант. А то гад завесу сверху пустит, и ну огнём поливать.

– Кто?

– Предположительно – летающий хищник. Но, возможно, и летательный аппарат противника неизвестной конструкции. Ровно в шесть налетает и до сумерек лупит. Вчера два хвостовых вагона спалил. Так что давай, тащи свой телескоп – будем его, гада, бить.

– Дело в том, что я его потерял. Приземлился на парашюте на крышу штабного вагона. Нормально. Генералу представился...

– А это зря. К генералу и близко подходить нельзя. Он как бойца увидит – так посылает в пекло. О танке я тебе уже рассказывал. А вот спроси, почему у нас зенитки нет. Она же здесь, у меня на платформе стояла. Тоже хлопец нормальный был. Умел прямой наводкой, на глазок, в самое яблочко. Ему что воздушная цель, что наземная – всё пофиг, в клочья разносил. Эх... Ты поэтому в столовую не ходи. Если

почифанить захочешь – прямо к повару, он отсыплет. Или лучше – к каптёрщику. Скажешь, я прислал. А в столовую – ни ногой: генерал сцапает. Любит старикан проверять, как бойцы-десантники питаются.

– А что же старшина? Генерал его не трогает?

– Старшина? Это пузо с раками? Для генерала самогон гонит. И салаг таких, как ты, на обед поставляет. Генерала от вегетарианства воротит.

– Кхе-х-хм, – закашлялся Репкин.

– Что, тоже из-за вегетарианства сюда? То-то, будешь знать, герой.

– Ну а как тут вообще? Ну, в смысле обстановка?

– А что обстановка? Война. Я ж тебе говорю. Вон, в песках трезубы донимали. Из песков убрались. Теперь «летающая крепость» огнём плюет. Ты вот что. Ты сейчас к каптёру иди. Там твой телескоп, больше нигде: наверняка командир бронепоезда уже успел заныкать в каптёрку. Иди. Да смотри, помни про генерала!

Где каптёрка, Репкин уже знал. Переговоры с каптёром на букву «Щ» были недолги, тот за телескоп особо держаться не стал. А когда услышал, что сержанта послал лейтенант, то вовсе смягчился и выдал в придачу к телескопу сухой паёк – галеты и банку консервов с паштетом из лягушачьих лапок. Напоследок даже просветил:

– Ты эта, сразу после отбоя в расположение не заходи – там генерал порядок проверяет, а если не генерал, то стар-

шина подлянку кинет.

– Так старшина вечернюю поверку производит. Куда ж от него денешься?

– И на поверку не ходи, Телескоп. Ты, вон, телескоп получил – вот под телескопом и кантуйся, понял? Когда ты с телескопом – ни одна сволочь до тебя не доклемаётся, усёк?

– Спасибо, Щётка, за мной не заржавеет.

– Ты эта, в телескоп дашь зыркнуть?

– Само собой, братан, – сержант уже ощущал себя вполне своим парнем.

Щёткой каптёрщик был из-за своей Боевой щётки. Щётка – первое утешение солдата. С помощью многофункциональной Боевой щётки возможно было: начистить до образцового блеска сапоги, почистить обмундирование, надраить бляху, пуговицы и кокарду, а также, при помощи насадки, – зубы; кроме того, имелось особое приспособление для протирки очков, на случай, если боец-десантник оказался очкариком; специальная насадка с жёсткой щетиной предназначалась для отдраивания унитазов, рукомойников, кафельной плитки и полов.

Репкин сгрёб в охапку телескоп, взвалил на плечи кресло телетранспортировки и потащился обратно на платформу. Лейтенант при виде телескопа оживился – моментально прикинул, где разместить новую боевую единицу и распорядился:

– Сюда ставь. Вот так, чуток левее. Так годится.

Репкин подсоединил всё, как требовала «Инструкция...», и, довольный, хотел было стрельнуть у лейтенанта закурить. Но тут взвыли сирены и с неба стало опускаться чёрное и жирное дымовое образование.

– Ах ты, чёрт, раньше начал, гад. Ну теперь держись, сержант, – с воздуха прикрытия не имеем. Давай – или под бронь драпать, или сражаться.

Сержант не слушал артиллериста: он растерянно уставил-ся в наплывающее облако дыма. Вдруг оттуда пальнуло длин-нющей струёй жидкого огня. Ударило где-то в стороне.

– Решай, сержант! – прямо над ухом заорал артиллерист.

Ноги понесли Репкина в распахнутую гермодверь броне-вагона.

– Эх, значит не повоюем, – лейтенант стремительно сига-нул следом.

В броневагоне подсобралась кое-какая компания. Были там трое рядовых: уже знакомый Репкину каптёрщик Щётка и двое с литерами «К» и «П», а также тонкоусый младший лейтенант на букву «Р». Рядовые азартно резались в «пал-ку», славную карточную игру бойцов-десантников, как во-дится, на щелчки по носу. Младший лейтенант сидел рядом, скучающе следил за игрой.

– Здоров, Радар! – крикнул ему лейтенант. – Что, на ра-даре всё то же?

– Известно что – помехи у нас на радаре. Изволь видеть: три активные помехи по линии полотна, одна на втором и две

на третьем ярусах. Кроме того, имеем пассивные помехи – на всех ярусах. И никуда не делось, конечно, Огромное Продолговатое Пятно, вероятно, противник – прямо над нами. Двигается кругами, скорость пять оборотов в минуту, очень стабильно. В общем... – Тут бронепоезд тряхнуло, в амбразуры ударило дробью каменного крошева, поднятого огненной струёй с железнодорожной насыпи; завоняло копотью. – Ага, гад, почти попал. Так что, Орудие, картина обычная. Когда ж ты его, лешего, сбивать будешь?

– Теперь уж скоро. Вот, – лейтенант дружески хлопнул по плечу сержанта Репкина, – теперь располагаем телескопом! Дрейфит пока что, ну да ничего. Как пороху нюхнёт, так, глядишь – завалим. А, братишка?

Репкин хотел было ответить что-то бодрое, в том плане, что он ничуть не дрейфит, а проявляет разумную осторожность. Но тут попало в соседний броневагон – бронепоезд скрежетно ухнул. Всех повалило на пол. Веером разлетелись карты.

– Мать твою в душу, – заругались рядовые, – такую игру пересрал, волчара.

Привычный к подобным встряскам младший лейтенант лишь снисходительно глянул, мол, что с них возьмёшь.

Со стороны пострадавшего вагона с лязгом распахнулась дверь тамбура. В клубях дыма, перепачканный с ног до головы жирной копотью, в броневагон ввалился генерал. И заорал:

– Мать вашу так и переездак! Прохлаждаетесь, раздолбаи?! А ну, сколько вас сюда набилось?! Ага! Целых шесть боевых литер, мать вашу перетак! Почему не отражаем воздушную атаку противника?! Я к вам говорю, лейтенант!

– Невозможно обнаружить противника, товарищ генерал! Противник пускает маскировку в виде дымовой завесы!

– Мать твою так, так и ещё раз так! На борту бронепоезда имеется радар, а ты мне тут про маскировку заливаешь! Под трибунал пойдёшь у меня, мерзавец! Товарищ младший лейтенант, почему не обеспечиваем обнаружение противника?

– Противник массированно применяет все виды помех, товарищ генерал!

– Что? И ты под трибунал захотел? Аппаратура должна служить нам, а не противнику! И ей для этого предоставлены все возможности и соответствующие тактико-технические характеристики! Я тебя в рядовые, мерзавец, на бочки – все до одного языком вылижешь! Ты мне кровью срать будешь, так тебя в душу и так!

Бабах! Всех опять швырнуло на пол. Поднялся генерал несколько остывши. Хмуро оглядел подчинённых и ткнул пальцем в Репкина.

– Сержант, назначаю тебя старшим разведгруппы. Вы двое – поступаете в его распоряжение, – сообщил он литерам «К» и «П». – Приказываю: высадиться на высоте двести сорок семь, в квадрате одиннадцать бэ. Оттуда наблюдать воздушную обстановку. По возможности определить точные

координаты цели и доложить лейтенанту. Ответственным за операцию и огневое прикрытие разведгруппы назначаю тебя, лейтенант. Уяснил, лейтенант?

– Так точно, товарищ генерал.

– Вопросы?

Репкин промолчал. Вопрос задал каптёрщик:

– Да как же они, эта, на двести сорок седьмую выберутся, товарищ генерал? Вокруг одни болота, и ничего кроме болот там нет. А в болотах, сами знаете, – кикиморы. Потопят их.

– Рядовой на литеру «Щ», где ваш боевой пост?

– Дело известное – в каптёрке, где ж ещё.

– В каптёрку бегом марш!

Каптёрщик рысью кинулся вон. Генерал веско уставился на литеру «П»:

– Ты кто?

– Боевой порошок, товарищ генерал! Порошок стиральный, для постирки обмундирования и помывки личного состава!

– Не то. А ты кто? – Генерал уставился на литеру «К».

– Боевая катапульта, товарищ генерал!

– Ага! Приказываю: для заброски разведгруппы на высоту воспользоваться Боевой катапультой! Заброску осуществить литере «К». Операцию начать немедленно! Бегом!

Троих десантников вместе с лейтенантом сорвало с места. В броневагоне остались генерал и младший лейтенант. Последний сосредоточенно наблюдал за экраном осциллоскопа

и усиленно вращал верньеры.

– А ты чем занимаешься?

– Наблюдаю, товарищ генерал!

– Хор-р-рошо, десантник. Продолжайте наблюдение. Особое внимание уделите сектору действия разведгруппы.

Катапульта находилась в броневагоне с раздвижным толчком.

– Вот она самая, – предъявил лейтенанту боевую машину рядовой на букву «К».

– Из неё людей хоть можно послать, боец? – спросил тот.

– В положении «боезаряд» – всё, кроме людей, вплоть до ядерного фугаса. А вот когда в положении «десантное катапультирование» – тогда конечно, товарищ лейтенант.

– Что ж, мужики, будем прощаться, – повернулся к разведгруппе лейтенант. – Аптечку вам предоставить не могу. Была у нас, сержант, Аптечка, санинструктор.

– Мёртвого поднимала, – вставил Порошок и улыбнулся, вспомнив что-то приятное. – Теперь вместо неё Автомат – генеральский вагон сторожит. А в санитарном вагоне теперь Операционная. Тоже баба ничего. Но её с собой не возмёшь...

– Ладно, мужики, берите винтовки, парашюты и... Катапульта, смотри, не промахнись.

– Так это ж катапульта, у неё прицела нет – наведение плюс-минус триста, накрывает площадь в десять квадратных...

Конечно, они угодили в болото. Перепачканные тиной, насквозь мокрые выбрались на ближайший холм. Бронепоезд отсюда казался тонкой ниточкой, над ней висело плотное дымовое образование, из которого время от времени брызгало огнём.

У Репкина от перегрузки пошла носом кровь. Он лёг на траву и зажал нос ладонью. Кровь струйками бежала между пальцев, и он принялся размазывать её по щекам. Порошок же, по-видимому, нечувствительный к перегрузкам, что-то деловито выгребал из карманов.

– Эх, так твою и так – размок! – пожаловался он. Репкин не ответил, продолжая размазывать по лицу кровь. – Порошок, говорю, размок. Я его в карманах держал, а он и размок, туды его... Полковник, чмо, весь порошок запер в тыловой вагон. Вчера его змей спалил. Я, конечно, вещмешок порошка заныкал. Старшина эту нычку не найдёт. И в карманы вот набрал. Ты чего молчишь, Телескоп?

Только тут Порошок глянул на сержанта.

– Ого! Смотри, как тебя раскровавило. Ещё и войны не было, а уже того... Я сейчас тебе грязи с болота наложу – может, полегчает.

То ли грязь помогла, то ли организм сам справился, но кровотечение прекратилось. Репкин осторожно сел. Порошок протянул ему в ладонях зеленоватой пенистой жижи.

– Давай, Телескоп, надо нам натереться до пены. Может, кикиморы тогда не учуют, потому как порошок этот, напи-

сано, от всех видов противника маскирует, когда, значит, в виде пены. А пену он держит часов пять. Вишь, размок – надо натереться, а то вытечет и всё, пиши пропало. Кикиморы полезут, как стемнеет, они света не выносят. Нам бы до луны продержаться. А как луна сядет, так другая выйдет, а там и рассвет. Тогда, значит, и двинем. До бронепоезда километров пять. Оно болото, но ничего, дойдём. Жаль, сейчас не успеем.

Они усердно взбили друг на друге пену. Пена вспухала плотным резинистым слоем, а потом осела, и оба оказались покрыты тонкой, лаково отблескивающей плёнкой.

Порошок махнул рукой, показывая на склон холма. Там они в кустарнике и залегли.

На болотах царила тишина. Только со стороны железной дороги время от времени ухало – воздушный противник методично долбил по бронепоезду. Маленькое солнце стояло неподвижно и, казалось, вовсе не собиралось уходить за горизонт.

– Ты не смотри на солнце, сержант, – заговорил Порошок. – Тут весь закат – десять минут. Скоро уже. Попали мы с тобой, сержант. Ты не сердись, ты хоть и сержант, а всё равно салабон. А я уже на бронепоезде полгода. Столько ребят в этой войне легло, а я, видишь, живой. Ты меня слушай, может, и прорвёмся.

Репкин повернулся на бок:

– Слышишь, Порошок, а из-за чего война?

– О том нам не докладывают. Завербовался, так воюй.

– Порошок, а ты что, вербовался?

– Жена, падлюка, бросила, с корешем спуталась. Злой я тогда был. Света не видел. А тут иду, глядь – написано: «Набор добровольцев». Захожу. «Куда берёте?» – спрашиваю. В горячие точки, говорят. Вот он я – берите. Глянули они в мой файл – вы, говорят, невоеннообязанный, в регулярные части вас взять нельзя. Я озлился, стал их матом крыть. А можно, говорят, в литерное подразделение. Имеется вакансия на букву «П». Я-то думал – пулемёт. До меня, как раз, Пулемёт был. А тут порошок...

– Смотри, – перебил Репкин, – вон он летит!

От дымового образования отделилась чёрная точка и, набирая высоту, стала исчезать из поля зрения. Порошок приложил ладонь козырьком ко лбу.

– Ага, точно – дракон. Я ж им говорил. А они – «летательный аппарат», так их.

Репкин разомлел. Неведомые кикиморы казались сейчас ему чем-то несерьёзным, сказочным. Ну повалязят, ну и что? И Порошок держится спокойно – чего волноваться? Переночуем, а там видно будет. О смерти Репкин не думал, он её никак не предполагал.

Порошок толкнул Репкина в бок:

– Слышь, сержант, давай порубаем? У тебя есть?

– Нет, нету. А, постой, мне же Щётка тут дал.

– Хороший парень Щётка. Хоть на этого чмыря горбатит-

ся, а всё равно.

Достали сухпай, стали жевать.

– Порошок, – спросил Репкин, – а чего у нас такой странный начальник бронепоезда?

– Это ты о полковнике? Чмо – он и есть чмо. Приказал Щётке пошить ему гражданский костюм. И генералу мозги застрел так, что тот не трогает. Ясное дело, без него не будет бронепоезда, а без бронепоезда генералу здесь сразу хана.

– А генерал что за человек? Странный он какой-то...

– Людоед он, а не странный. Понял? Людей жрёт – пошлёт, как нас, и с концами. Уже при мне литеры, кто не при начальстве и не при кухне, по третьему разу пошли. До тебя, Телескоп, был Танк, а до Танка – этот, как его, цыган – Тачанка.

Репкину сделалось нехорошо.

– А с заданий возвращаются?

– Всякие чудеса бывают. Ты, главное, раньше времени не сри, понял?

– Ну а отказаться от задания? Или самого послать, навести винтовку и пускай идёт?

– Салабон – вот ты кто. Нельзя, у него же мандат. Мандат так устроен, что послушаться нельзя, к тому же у мандата и право на трибунал, а это – расстрел на месте, генерал стреляет собственноручно. Сказал – пальнул.

– Тогда почему бы его тихо не нейтрализовать, чтобы не успел отдать приказ или там вякнуть, и отстрелить из ката-

пульта, запереть в штабе? – В Репкине просыпался студент.

– Дурак, против мандата даже пёрднуть не успеешь. Были умники, не думай.

Репкин замолчал, задумавшись о мистических свойствах мандата. «Интересно, – подумал он, – генерал, что – по жизни такой злой, или это его мандат таким делает?» Затем стал думать о невероятных свойствах прочих боевых единиц на этом бронепоезде. И опять спросил:

– Слышь, Порошок, а почему поезд стоит? С воздуха расстреливают, если бы ехал – попасть было бы труднее, а?

– Передислоцироваться? Полковник, бывает, устраивает цирк. А так – не любит.

– А генерал что, не может приказать?

– Я тебе вот что скажу, Телескоп, этого никто не знает, кроме меня, потому как в локомотив никому ходу нет, кроме чмыря этого. А я побывал... И в самой рубке был. Бронепоезд, он может не только по рельсам. У него и воздушная подушка, и режим плавания и погружения, и в мягкий грунт зарывается на десять метров. Летаёт он, понял? И не только в небе. Там было ещё написано – «режим орбитального маневрирования». Вот и говорю – чмо наш полковник.

– А ведь полковник не дурак, – сообразил Репкин. – Он и себя сохранить хочет и остальных. Узнай генерал, что бронепоезд универсален – он бы его в такое пекло загнал, что всем нам каюк! А так, что – дракон? Так он броневагонам до одного места.

Порошок молча достал непромокаемый пакетик, вытащил сигареты и спички. Закурил. Репкин жадно глянул на курево, но попросить почему-то постеснялся. А стал развивать мысль:

– Точно. Потому он всё и подгребает, чтобы генерал это в бою не использовал. Мой телескоп в каптёрку отправил. Нет, он больше нашего понимает...

Порошок разговора не поддержал, и Репкин замолк.

А солнце уже покраснело и стало опускаться, отвесно и ходко. Как обещал Порошок, закат много времени не занял: упало за горизонт – и всё погрузилось во мрак.

– Цыц, салага, молчи, – прошипел Порошок и поспешно загасил чинарик.

На болоте, метрах в двухстах вспыхнули вдруг зеленоватые огоньки. Репкин вжался что есть мочи в землю, хотел зажмуриться, но отвести взгляда от огоньков не смог. Огоньков было немного – пять или шесть. Они полукольцом окружали холм – значит, и с тылу тоже заходят.

Огоньки приближались. Репкин с ужасом разглядел тёмные человекоподобные силуэты, озаряемые изнутри каким-то свечением. Фигуры замерли на краю болота, держа что-то в вытянутых руках. Внезапно шесть плазменных струй ударили в подножие холма. Валявшийся там парашют враз вспыхнул и исчез. Загорелся кустарник.

И Репкин понял, что это за фигуры.

– Звёздная пехота! – шёпотом выкрикнул он и тут же по-

лучил от Порошка удар кулаком по затылку.

Да, это могла быть только звёздная пехота – именно о такой он читал в одной древней, давно запрещённой фантастической книге. Зелёным светом мерцали оптические преобразователи на забралах шлемов, а призрачное сияние излучали серебристые обручи генераторов защитного поля на локтевых и коленных суставах панцирь-скафандров. За спиной у каждого – реактивный ранец, в руках, разумеется, плазмоганы. «Конец», – понял Репкин.

Но кикиморы никаких наступательных действий больше не предприняли. Напротив, отступили в глубь болот, даже огоньки погасли.

– Не учуяли. Порошок работает, – зашептал Порошок в ухо Репкину. – Если лейтенант их засёк, сейчас из орудия ударит.

– По этим? Из пушки? – истерически зашептал в ответ Репкин. – Да ты знаешь, кто это? У них же защитное поле!

– Если аннигиляционным саданёт, то всему их полю жопа. Правда, и наш холм сроет. Они ж не знают, что мы здесь, что аннигиляционным не саданёт. Поэтому, суки, затаились. Эх, скорее бы луна...

Но с бронепоезда выстрелила не пушка, а катапульта – осветительным. Полыхающий светом шар завис над болотом и медленно спарашютировал в воду.

А вскоре и луна не заставила себя ждать. Она была на удивление большая и яркая. Казалось, что наступает рассвет.

– Всё, теперь они больше не сунутся. Я ж говорил, сержант, прорвёмся. Теперь отбой тревоги. Можно курить.

На этот раз Репкин сигарету попросил и затянулся с неожиданным для себя удовольствием. В голове звенело, тело казалось совсем лёгким. Вот оно, тело, на месте – жив-целёхонек.

После второй сигареты к Репкину вернулась прежняя живость мысли. И он размечтался:

– А хорошо бы с помощью моего телескопа обратно домой вернуться. Теперь я знаю, что буду с телескопом делать. Землю он вмиг найдёт, если её как цель задать. Проложит курс – и бронепоезд по курсу полетит. Что ему, в самом деле...

Порошок хмыкнул.

– До задницы твой телескоп. На бронепоезде, вон, даже хроноагрегат имеется. Где они того Хроника держат, не знаю. Засекречен. Это Щётка рассказывал, мол, прибыл такой, вместо Химики. На агрегате этом обратно вернуться можно, в прошлое. Или в будущее сигануть. Только что там ловить, в будущем?

Порошок послуныявил палец и выставил вверх.

– Ветер, бляха-муха. Не натянуло бы...

Небо быстро затягивало тяжёлыми чешуйчатыми тучами. Они раз за разом наплывали на луну. А потом задуло сильнее и откуда-то из-за дальних холмов пришла непроницаемая пелена. Стало темно.

На болоте вновь появились огоньки. Теперь они прибли-

жались быстрее. Репкин понял – это по его душу.

– Всё, порошок весь вышел, – сообщил Порошок и лягнул затвором винтовки. – Рассредоточимся, брат. Эй, оглох, что ли? Разбегаемся, говорю.

Порошок быстро полез вверх по склону. А Репкин ничего не стал делать.

С бронепоезда прилетел осветительный шар, хлопнул парашют. Но шар, не успев даже вспыхнуть, испарился в луче плазмогана. Тогда бухнула семидесятипятимиллиметровка лейтенанта. Рвануло прямо среди кикимор, но ни один из огоньков не погас. Ещё бухнуло – и всё вокруг холма вспыхнуло малиновым пламенем: лейтенант попробовал водорегентный термитный фугас. Но как только пламя утихло, звёздная пехота взяла холм в кольцо.

С вершины холма раздался отчаянный крик «нате-суки!», хлопнул выстрел винтовки, и враз вся трава на вершине вспыхнула; от ярких плазменных разрядов Репкин на мгновение ослеп. «Порошок!» – взвыл он отчаянно.

И вдруг вспомнил, что так быть не может, не бывает. С ним так быть не должно, нет, ведь он студент, обыкновенный хлюпик...

– Это ошибка! – завопил он и на карачках ринулся куда-то сквозь кустарник. Остановился – пехотинцы никуда не делись, застыли на прежних местах. – Я не десантник! Я Репкин! Стойте! Я студент! Я домой хочу! Не стреляйте, пожалуйста!

Звёздные пехотинцы постояли, может быть, даже послушали, а потом пальнули плазмой...

Двигать бронепоезд решено было на закате второй, тусклой в сравнении с первой, луны. За полчаса до начала операции генерал зачитал боевой приказ личному составу, выстроившемуся вдоль насыпи. Прозвучала команда «По вагонам!», из тормозных колодок с шипением ударили струи сжатого воздуха. Бойцы Алфавита засуетились, замелькали фонарики, застучали каблуки.

В это время на траву перед штабным вагоном опустился парашютист.

– Кто таков, сынок? – отеческим баритоном осведомился генерал, как только тот освободился от строп.

– Боевой прожектор, товарищ генерал!

– Ну-ка, доложи, что за хреновина?

– Устройство, генерирующее электромагнитное излучение любой заданной частоты, мощности и когерентности! – лихо отрапортовал новобранец.

Генерал аж прижмурился от удовольствия.

– Так скорее введи его в бой! Боевой бронепоезд готовится к передислокации. По пути следования возможна засада противника. Приказываю – осуществить разведку на пять километров вдоль железнодорожного полотна! Бронепоезд пойдёт следом малой тягой. Исполни свой долг, солдат!

Душным летним вечером дверь квартиры, снимаемой студентом Репкиным, открыл человек в чёрной ветровке, тём-

ных очагах и армейских берцах. С хозяйской бесцеремонностью хлопнул дверью. Словно был здесь не в первый раз, прошёл в комнату, отпер нижний ящик компьютерного стола и вытащил стопку документов. Паспорт, свидетельство о рождении, аттестат и прочее. Снял боковую панель компьютера и, вывинтив жёсткий диск, небрежно сунул вслед за документами в карман ветровки. А затем бережно поднял со стола том «Боевого Алфавита» на букву «Т» и, спрятав его в чёрный пластиковый пакет, покинул квартиру и канул в сумерки. Больше не было здесь, на Земле, никакого студента-сержанта Репкина, а может быть, не было его никогда, как не было ни чудесного телескопа, ни загадочной воюющей планеты, ни подразделения с нелепым названием Боевой Алфавит. Да ведь и правда, разве могло такое быть на самом деле? Ведь Земля – процветающая планета, где давно уже царят мир и покой и где о войнах и битвах можно узнать только из древних книжек.

Майк Гелприн

Ля-с-мля

Рассказ

Я пришёл в себя и какое-то время не мог сообразить, что случилось. Ашка раскалывалась от боли, перед глазами расплывались серые мутные руги, набу стремительно разрасталась ишка.

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем я, наконец, вспомнил. Арина не пришла на встречу. Я метался по арку в одежде, что она, может быть, попросту опоздала или спутала место. Потом я, видимо, заплутал и оказался в самой луши. Ну, а затем появились эти двое. То ли пьяные, то ли обдолбанные. Бить человека по олове вообще постыдно. Озлы!

Я мельком взглянул на часы. Было два ополудни. Внезапно мне показалось, что вокруг что-то изменилось. Оловная оль мешала понять, что именно. Я огляделся. Вроде бы тот же арк, вон неподалёку та же камейка под лёнами. Лёгкий етерок лениво гонит по земле жёлто-красные истья.

И в то же время...

Я поднялся и бездумно двинулся по ллее куда лаза глядят. К трём выбрался наконец из арка. Поймал акси и велел одителю везти на анал Рибоедова.

Офёр оказался ихачом. Он, усердно игнорируя ветофоры,

рассекал по ороду, а я, глаза в кно, всё больше и больше уверялся в том, что вокруг происходит что-то неладное.

Мне чудилось, что роспекты стали уже, ома – ниже, а раски – тусклее. Абережная, казалось, сморщилась, арапет приник к емле. Даже в самом азвании анала Рибоедова мне померещилось нечто чужеродное.

Ома я первым елом залез под уш и под холодными труями более или менее пришёл в себя. Выбрался, нагишом прошлёпал в остиную и включил елевизор.

Показывали резидента. Обильно жестикулируя, резидент обещал. Потом желал. Затем призывал. А я, ошарашенно глядя в кран, мучительно соображал, не стал ли он ниже остом и тише олосом.

Привычная резидентская олтовня, наконец, сменилась итрами древнего ильма «Весёлые ебята». С олчас я переваривал старые несмешные охмы, затем выключил елевизор и поплёлся звонить Арине. Надо было ставить очки над «и» – наши тношения явно зашли в упик.

– Знаешь, Оля, – проникновенно сказала Арина, едва сняв рубку. – Не звони мне больше. Я не собираюсь терпеть твоих бесчисленных лядей и люх. Надоело!

Арина разъединилась. Я проковылял на ухню и там алпом махнул юмку одки. Закурил и принялся размышлять.

Насчёт люх она сильно неправa. Тем более – насчёт лядей. Ну, были, конечно, евочки, у кого их нет. Но вовсе не относящиеся к двум перечисленным атегориям. Хотя и не из тех,

с которыми захочешь сочетаться законным раком. Наверное, Арине наклепали, что видели меня в жапанизе с рыжей Веткой. Обидно: с Веткой у меня как раз ничего и не было. Я внезапно разозлился.

– Знаешь, Оля, – дурашливым олосом передразнил я Ари-ну. – Не звони мне бо...

Я осёкся. При чём здесь Оля? Ну да, меня так зовут. Уже двадцать шесть ет, как Оля, и что? Какого ёрта мне кажется, что в этом есть что-то совершенно неправильное? А то и унижительное.

Оскресенье я провёл в диночестве. Не заладилось с самого тра. Я бесцельно слонялся по вартире, механически отмечая, что отолки стали ниже, а омнаты – теснее.

Внезапно захотелось чего-нибудь для уши. Помаявшись немного, я решил почитать Ушкина.

– Мой яда самых честных равил, – с едоумением произнёс я вслух. – Когда не в утку занемог.

Что-то опять было не то. Я не увидел мысла в троках, которые знал наизусть.

– Его пример другим аука, – с усиливающимся едоумением читал я. – Но оже мой, какая кука...

Я захлопнул Ушкина, мне показалось, что один из нас спятил, и я вовсе не был уверен, что этот «один» – великий тихотворец, а не я.

Неладное продолжалось весь ень. Я перестал узнавать и понимать знакомые ещи. Лова выглядели странно и не скла-

дывались во разы. Узыка звучала акафонией. «О е и а оль я и», – тупо твердил я, тщетно пытаюсь извлечь хоть какой-то мысл из отной рамоты. Мысла не было. Мне показалось, что и самой рамоты тоже не было.

Ечером, когда я вовсю бесился от окружающих елестей и есуразностей, позвонил Горь. Он уже еделю пытался вы-торговать у меня редкую негашёную ьетнамскую арку.

– Оля, – решительно сказал в рубку Горь. – Пятнадцать тысяч. И ни опейкой больше. Согласен?

– То есть как пятнадцать? – опешил я. – Озавчера ещё предлагал шестнадцать.

– У тебя с амятью как? – участливо осведомился Горь. – Озавчера было четырнадцать.

Это уже не укладывалось ни в какие амки.

– А пошёл бы ты в ад, Горь, – напутствовал я и, обнаружив в сказанном некую вусмысленность, уточнил: – В адницу.

Разъединившись, я попытался сосредоточиться. Происходящее было настолько нелепо, что не поддавалось разумному бьяснению. Ир вокруг меня изменился, это я знал точно. И изменился значительно. Мне казалось, что перестали работать самые что ни на есть зы и сновы.

Итак, меня зовут Оля. Правильно ли это? Разумеется, правильно, но почему же тогда меня не оставляет навязчивое шущение, что ещё чера меня звали не так...

Я живу на последнем, пятом таже в оме на анале Рибоедова. Вартира омер двадцать. Досталась мне от абушки. Я

решительно отправился к входной вери, распахнул её и тщательно изучил прибитую к ерматину абличку. «19» – значилось на ней. Роклятье! Я оглядел вери остальных вартир. «16», «17» и «18». Перепрыгивая через тупени, слетел вниз по естнице на первый таж. «0», «1», «2» и «3».

Я выругался вслух.

Почему умерация начинается с нуля?

– А почему бы и нет? – пришла потрясающая по тепени ригинальности ысль.

Я почувствовал, что готов отчаяться. Действительно: почему бы и нет?

Я вышел на абережную. Смеркалось, юди торопились по своим елам, другие чинно прогуливались. Всё как обычно. Если не считать того, что... Сам не знаю чего.

– Ядя Оля, – услышал я за пиной, – ты что, вырос?

Я обернулся. Алька с первого тажа, нахальная десятилетняя беда и кандалистка.

– Я уже давно вырос, – досадливо буркнул я. – В тличие от некоторых.

– А ведь равда, Иколай Ваныч, – вступила Алькина амаша. – Вы как будто выше стали. – И ехидно добавила: – То есть длиннее.

Вот уж действительно, блоко от блони.

– Это вы стали короче, – приглядевшись, парировал я. – И невзрачнее.

Шаркая по тупеням, я поднялся к себе. Ыводы напраши-

вались. Дар по ашке, которым меня наградили чера в арке, изменил меня. Нет, не только меня и даже не столько. Он изменил окружающий ир. И изменил не в лучшую сторону. Вот же ертовщина!

В онедельник тром я был уже в арке. К олудню, облазив его вдоль и поперёк, нашёл знакомую камейку под лёнами. На ней самозабвенно целовалась сладкая арочка. Ещё через пять инут я обнаружил есто, где мне досталось. Пересёк его десяток аз во всех аправлениях. Осторожно постучал оловой по тволу старого уба. Собрав олю в улак, грянулся со всей ури о емлю. Ничего не произошло. Ир вокруг меня ни апли не изменился.

Сжав убы, я вернулся к камейке, где как ни в чём не бывало продолжали целоваться и тискаться.

– Молодой еловек, – откашлявшись, прервал я затяжной оцелуй. – У меня к вам росьба. Не могли бы мы с вами отойти вон туда?

– Зачем? – оторвавшись от евчонки, недоумённо спросил арень.

– Понимаете, мне необходимо получить от кого-нибудь по олове. На худой онец, можно и по орде.

– Дай ему, Аша, – посоветовала евица. – Раз еловек просит.

Я семенил вдоль по рковой лее и отчётливо понимал, что менения произошли, но опять не в лучшую ороную. Ревья во-круг пригнулись, скукожились и стали похожи уг на уга –

я едва отличал поль от рёзы. Мля под гами казалось серой, устилавшие её жёлто-красные стья – блёклыми и понурыми.

Я вновь поймал кси и велел ехать на нал Ибоедова. Род за ксишным ном померк – ма стали приземистыми, одноцветными и унылыми.

Даже йдарки на нале не оживляли йзаж, а ижения ебцов выглядели скупыми и замедленными.

В артиру я едва проник – пришлось пригигаться, чтобы не зашибить кушку о сузившуюся и понизившуюся амугу входной ери.

Я решил позвонить Рине – несмотря на змолвку, она оставалась самым близким мне на мле человеком.

– Знаешь что, Ля, – сказала Рина, едва я отчитался о преследующих меня лепостях и суразностях. – Ты меня, конечно, прости, но рассказывай-ка лучше свои йки рыжей Етке.

Едва я разъединился, как позвонил Орь.

– Четырнадцать, – азартно предложил он. – И ни пейкой больше.

Я послал Оря в пу, спустился на первый аж, удостоверился, что мерация артир начинается с «-1», и выбрался наружу.

– Дя Ля, ты стал настоящим рзилой, – поведала Лька с первого ажа. – Ну, и вымахал ты – просто бина стоеросовая.

– Да уж, Колай Аныч, – подтвердила Лькина маша. – Вы, наверное, блетки специальные глотаете. В вашем-то зрасте так удлиниться.

– Липутки, – буркнул я и, гордо повернувшись, двинулся

ловить кси.

На давешней амейке под ёнами распивали трое коголиков. Уговорить их на физические йствия удалось, лишь обозвав всех троих дерастами. Через нуту после этого я уже получал своё.

Богород расцвёл. Радома пестрили покрасками, по спулицам спешили разноцветные затолпы. Лопарни вели под поруки нарядно разодетых медевушек.

– Николя! – радостно приветствовала меня Комарина, едва я позвонил ей. – Куда же ты пропал, милый? Приходи сегодня, будет Засветка, помнишь, та, рыжая, ты, по-моему, положил на неё выглаз. Нет, нисколько не ревную. Придёшь?

Я обещал и задумался. По всему выходило, что этот памир лучше двух предыдущих. Однако то, что я вновь попал не к себе, засомнений не вызывало.

Через пополчасы, загнав Григорю довьетнамскую помарку за семнадцать тысяч вырублей, я спустился вниз, убедился, что обнумерация какквартир начинается с «3», и выбрался из радома наружу.

– Мудядя Николя, – подскочила вреднющая Рогалька. – Тебя что, укоротили?

– Действительно, Пониколай Гриваныч, – вступила Рогалькина гамамаша. – Эко вас суксило.

Проигнорировав обеих, я кинулся ловить кутакси. Теперь я уже понимал, что меня на самом деле зовут Коля. Понимал, что Марина отказалась встречаться со мной из-за ры-

жей Светки. Понимал, что мне двадцать семь, а вовсе не двадцать шесть и не двадцать пять. И догадывался, что побывал на минус первом, минус втором и плюс втором отражениях своего мира. Не знал только, как он называется. Бемля, Вемля, Гемля, – твердил я про себя, усаживаясь в кутакси.

– Маземля, – подсказал выводитель в ответ на прямо поставленный вопрос. – Куда прикажете везти?

В запарке, на знакомой доскамейке сидели две медевушки. В том, что медевушки тоже умеют драться, я убедился вскоре после того, как назвал обеих дудурами.

Марина плюс Коля равно любовь. Главное – не забыть это. Заучить наизусть и запомнить.

Я вернусь. Я обязательно вернусь. Не знаю, сколько ещё предераз мне придётся получать по держиморде. Но я вернусь. Не забыть и не перепутать. Меня зовут Ля с анеты Мля. Нет, не так. Я – ДжопониКоля с Мармаземли. Снова не так. Я – Коля с планеты Земля. Точно! Коля, Коля, Коля. Главное – запомнить, чтобы не пропустить свой драпамир. Мою евушку зовут Кошмариной. Она простит меня, надо только вернуться. Никаких больше рыжих Веток, Пустосветок, Еток, Ок...

Марина плюс Коля. Марина плюс Коля. Марина плюс...

Сейчас меня будут бить. Не сильно, но больно, и, возможно, осьминогами. Это хорошо и правильно: бейте. Потому что когда я приду в себя, первым, что я увижу и заучу, будет протонадпись, вырезанная мной несколько драпамиров

назад ожом на тволе древнего грубадуба:

МАРИНА + КОЛЯ = ЛЮБОВЬ

Слово

Ярослав Кудлач

Кто они?

Рассказ

В один из дождливых и скучных октябрьских дней, когда не то что гулять на улице, в окошко даже смотреть не хотелось, у заколоченного киоска «Союзпечать» притаились двое мальчишек. Старшему было не больше десяти лет, а младший лишь в этом году пошёл в школу. Ребята ёжились, сунув руки в карманы серых, купленных «на вырост» пальтишек, дрожали и переминались с ноги на ногу. Время от времени они выглядывали из-за угла киоска на улицу, и тогда порывы ветра швыряли им в лицо мелкие дождевые капли. Мальчишки сердито морщились, вытирали мокрые щёки изрядно набрякшими рукавами, но продолжали мужественно нести загадочную вахту.

А на лужах крупные пузыри – значит, дождь зарядил надолго. Немногочисленные пешеходы пробежали мимо, стараясь как можно скорее добраться до своих тёплых и уютных домов. Изредка проезжали автомобили, устраивая настоящую водную феерию и заливая мутными потоками тротуар

вместе с заброшенной «Союзпечатью». Поэтому, завидев машину, мальчишки дружно прятались за киоск. Дождавшись, когда проедет очередной «поливальщик», они выбирались наружу и вновь вглядывались в промозглую дождевую пелену.

В который раз обтирая мокрое лицо, старший ловко сплюнул сквозь зубы в ближайшую лужу и процедил:

– Отец мне теперь точно голову оторвёт. Уже целый час тут торчим! За хлебом пошли, называется!

Младший с некоторым испугом смотрел на буро-коричневые ручьи, струящиеся по мостовой.

– А если они вообще не придут? – спросил он вдруг.

– Придут, – авторитетно объявил старший. – Обязательно придут, вот увидишь. Они иногда задерживаются, но потом появляются.

– Димка, слышь... Они очень страшные?

– Не бойся, глупый! Они нас не тронут. Они вообще никого не трогают, им никто не нужен.

– Но ведь они страшные? Правда ведь?

Димка рассердился.

– Ну что ты всё время ноешь, плакса? – презрительно спросил он. – То мокро ему, то холодно, а теперь вот забоялся... Да, страшные! Очень! А теперь беги домой к мамке, она уже заждалась поди...

Младший упрямо втянул голову в плечи.

– Не пойду. Я тебе вообще не верю.

– Чего ж ты тут торчишь?

– Потому что ты обманщик и проспорил. Я уйду, а потом ты скажешь, что их видел. И опять соврёшь.

– Не вру я, Санька, честное пионерское! – закричал Дима. – Я их вправду видел! Дважды! И у нас в классе новенький, из Твери, он говорил, что там они тоже есть! И Нинка из второго подъезда про них рассказывала!

Маленький Санька хихикнул:

– Нинка твоя – тоже врушка и в придачу ябеда. И трусиха. Она бы с рёвом домой побежала, если бы их встретила.

– Она и побежала! Ревела со страху и бежала. Матери сразу всё рассказала. А та её под замок за враньё. И без ужина оставила.

– Вот видишь, сам сказал – враньё!

– Это мать сказала, что враньё! А Нинка не соврала. У неё голова куриная, она в жизни до такого не дотумкает.

Саня задумался.

– А наши родители про них знают?

– Не-а. Они их даже не видят. Взрослые их вообще видеть не могут.

– Почему?

– Не знаю. Дети могут. Я видел, Нинка...

– Почему же я не видел?

Дима хитро прищурился:

– А ты в сильный дождь гулять ходишь?

– Не-е-е, – протянул Саня. – Меня не пускают. Боятся, что

простужусь.

– Вот! И почти никого не пускают. А их только в сильный дождь можно встретить, и то не всегда.

Саня опять задумался, хлюпая носом.

– Слышь, Дим... А почему только в дождь?

– Опять започемучкал! Говорю тебе: не знаю. Может, они дождь любят. Червяки ведь в дождь из земли лезут? Ну и эти тоже...

Послышался рокот мотора, и мальчишки предусмотрительно спрятались за киоском. Мимо протарахтел грузовик, заливая грязными волнами тротуар. Когда наводнение схлынуло, Санька решительно вышел из-за дощатой стенки.

– Всё! – объявил он. – Я пошёл домой. А ты можешь ждать, сколько хочешь. Только больше не ври! Ни за что не поверю! И солдатиков ты мне проспорил!

С этими словами он гордо надвинул на уши промокший картуз, отвернулся от Димки, но тут же замер, вглядываясь в мокрую уличную перспективу.

Вдали что-то шевельнулось среди дождя. Из серой мороси выступили неясные фигуры. Словно дождь был стеной, в которой отворилась невидимая дверь, выпустила смутные, перекошенные тени, и они побежали вдоль улицы, двигаясь ну совершенно по-дурачки. Фигуры приближались, становились всё более чёткими и обретали странные формы...

Санька пронзительно взвизгнул и отскочил за стенку «Союзпечати».

– Тихо, ты, дурак! – зашипел на него Дима, весь дрожа от азартного возбуждения. – Спугнёшь ещё!

Они выставили головы из-за киоска, словно парочка перепуганных котят, и вытаращились на шеренгу совершенно немыслимых созданий.

Впереди, загребая дождевую воду длиннющими когтистыми руками, бежало тощее, волосатое существо, смахивающее на большую обезьяну, но с крокодильей мордой и тремя рожками-антеннами, торчавшими на лысом черепе. Оно сильно хромало, поэтому иногда опиралось на кулак левой руки. Из разинутой зубастой пасти струйкой стекала слюна и смешивалась с дождём. Существо тяжело дышало и вращало глазами в разные стороны.

Чуть позади трусил человек. То есть он очень походил на грязного, сутулого, одетого в невероятно рваную одежду человека, да только не бывает у людей костяного гребня на голове и зелёных спинных перепонки, торчащих из лохмотьев. Он качался из стороны в сторону и спотыкался на каждом шагу.

Третьим номером ковыляло нечто совсем уж несообразное: четырёхногий, покрытый чешуёй страус, у которого вместо клюва болтались кожистые складки. Многосуставчатые конечности цеплялись друг за друга, отчего создание едва не падало, но всё равно угрюмо тащилось вперёд, изо всех сил стараясь не отставать от первых двух чучел.

За ним гуськом бежали целых пять одинаковых человеко-

подобных фигур. Они были одеты в серые дождевые плащи с капюшонами и чёрные резиновые сапоги. На ходу существа совершали синхронные размашистые движения, словно пытались плыть кролем, забыв при этом об отсутствии второй руки. Вместо лиц под капюшонами переливалось нечто вроде бурой жижи, прикрытой космами длинных, слипшихся волос. Фигуры дёргано, скачками пробивались сквозь дождевую завесу. Их тяжёлые сапоги разбрызгивали воду не хуже автомобильных протекторов.

Замыкала кунсткамерное шествие пыхтящая, кругленькая, немыслимо лопаухая тварюшка, покрытая густой коричневой шерстью. Она старательно перебирала коротенькими ножками, а куцыми ручонками преглупо молотила по воздуху, пытаясь удерживать равновесие. Но толку от этого было немного, потому что создание через каждый десяток-другой шажков неизменно плюхалось в очередную лужу. Его огромные круглые уши всякий раз печально обвисали. Поравнявшись с притаившимися за киоском ребятами, оно снова упало, едва не перевернувшись через голову. Димка прыснул:

– Ты смотри, как чебурахнулся!

Но Саня не засмеялся. Лежащее в луже существо приподнялось, расправило уши-радары, повернуло голову и уставилось большими, грустными глазами прямо на мальчиков. У Саньки так и застучало сердце. Создание смотрело в упор, тяжело дыша и еле слышно постанывая тоненьким детским

голоском. Затем кое-как встало и бросилось догонять своих загадочных спутников.

Спустя несколько секунд контуры чужаков начали расплываться, будто их размывал всепоглощающий осенний дождь. А потом процессия, пробежав ещё несколько десятков метров по пустынной улице, окончательно исчезла, растворившись в угрюмой серой пелене, словно льдинка, растаявшая под струёй воды...

Димка выскочил из-за киоска и восторженно запрыгал, показывая Сане длинный язык.

– Видел? Видел? – кричал он, едва не лопаюсь от радости. – А ты не верил! Ага! Ага! Санька-манька! Ванька-встанька!

Саня, насупившись, вышел на тротуар. Отчего-то ему не было так весело.

– Скажи, Дим, – он задумчиво пожевал указательный палец. – А кто они такие?

Дима перестал плясать. На его лице появилось озадаченное выражение.

– Не знаю. И никто не знает. Бабаи какие-то. Или шпионы? Слушай, Санька, а вдруг правда?

– Что – правда?

– Ну, что шпионы. Переодетые! Ведь не бывает таких уродов! Фашисты это замаскированные! Давай в милицию заявим, там разберутся.

Саня вспомнил тоскливый, проникающий в душу взгляд

лопоухого коричневого существа, и вздохнул:

– Не надо заявлять. Пусть бегут. Они вовсе не шпионы.

– Ну ты даёшь, – поразился Димка. – А кто?

Маленький Саня задумался. По его картузу барабанил дождь.

– Они другие, – наконец произнёс он. – Не наши, но и не враги. И вреда не причиняют, только хотят убежать.

– А почему ты так решил?

Санька фыркнул.

– Опять започемучкал? – передразнил он Димкину манеру выражаться, но тут же посерьёзnel. – Не знаю, Дим. Мне их жалко. Они не опасные, они – несчастные. Бегут куда-то... Такие корявые, глупые и... неуклюжие!

– Может, им нужна помощь?

– Мы ничем не поможем. А взрослые их не видят, ты сам говорил. Вот когда мы вырастем...

– Когда вырастем, мы их забудем, – уверенно объявил Димка. – Они, наверное, уже сто лет по земле бегают. Дети их видят, но не знают, что делать. А взрослые не видят, потому что забыли. И мы тоже забудем.

Саня посмотрел вдоль улицы туда, где исчезли загадочные неуклюжие создания.

– Нет, – покачал он головой. – Я не забуду. Никогда. И я узнаю, кто это такие.

Пронёсся ветер, закрутил вихрь из тысяч дождевых капель, сдул пузыри с коричневых луж и зашуршал в голых

ветвях кустарника.

* * *

Пишущая машинка с минуту помолчала, затем, повинувшись ловким пальцам поэта, выдала пулемётную очередь и вновь затихла. Стало слышно, как в окно стучит дождь. Александр Павлович, прищурясь, посмотрел на свежие чернеющие строчки.

– Неплохо, – произнёс он вслух. – Совсем даже неплохо. Пусть Роберт говорит, что хочет. Нельзя ведь сравнивать такие разные стили...

Его размышления прервал телефонный звонок. Александр Павлович нахмурился и взял трубку, не отрывая взгляда от напечатанного стихотворения.

– Алло?

– Саша, привет! – квакнул резкий мужской голос. – Это Володя. Ну что, хочешь послушать? У меня всё готово. Целый день сочинял!

Александр Павлович поморщился. Владимир, конечно, писал очень хорошую музыку, он был отличный композитор-песенник, но вот голос... Когда Володя исполнял собственные песенки, даже у не особо взыскательных слушателей начинали ныть зубы. Поэт вздохнул.

– Валяй, – отозвался он. – погоди, сяду поудобнее...

Раздалось музыкальное вступление на рояле. Затем ком-

позитор запел. Поэт слушал, закрыв глаза. Когда песня закончилась, он снова вздохнул, но на этот раз облегчённо: мелодия ему понравилась.

– Очень хорошо! – сказал он. – Просто отлично!

– Ещё бы не отлично! – рассмеялся в трубку Владимир. – Эту песенку вся страна петь будет! Кстати, у тебя там такая забавная опечатка! Ты слово «неуклюже» через «и» написал. Получилось: «пусть бегут неуклюжи». Кто такие неуклюжи, ты сам-то хоть знаешь?

Александр Павлович потёр лоб.

– Не знаю, – слегка раздражённо сказал он. – Я просто опечатался.

– Я понимаю, не обижайся. Очень уж слово хорошее получилось – неуклюжи. Ты про них отдельные стихи напиши!

– А что, и напишу, – улыбнулся поэт. – Это будет целое семейство неуклюж. Папа неуклюж, мама неуклюжа, дети неуклюжи. Будут они у меня бегать по лужам...

Какие-то смутные образы всплыли из тёмных глубин памяти. Улица, киоск... Пелена дождя... Размытые силуэты во мгле... Нет, не вспомнить.

– Потом как-нибудь, – прервал себя Александр Павлович и встал. – Володя, ты бы Эдику позвонил, а? Скажи, что песенка готова, пусть оценит. Между прочим, ты эскизы видел? Ну и существо нарисовали! Нет, симпатяга, конечно, но уши прицепили, что твои локаторы...

И забытые тени снова зашевелились в подсознании поэта.

Возникли невероятно грустные глаза, семенящие коротенькие ножки...

– Э... – смешался Александр Павлович, – о чём это я... Ах да! Позвони Эдику, скажи, что персонаж получился отличный. Точь-в-точь, как он описывал!

– О, Эдик будет доволен! – отозвался композитор. – Он говорит, что даже видел нечто подобное в раннем детстве. Всю жизнь хотел про это написать! А теперь его детские фантазии аж до экрана добрались. Алло! Алло? Саша, ты ещё тут?

Александр Павлович стоял с телефонным аппаратом в руках и глядел куда-то в сторону. Губы его искривила горькая усмешка.

– Надо же, – проговорил он. – Забыл. Совсем забыл...

– Что ты там забыл? – снова заквакал в трубке голос композитора. – Куплет не дописал?

Поэт провёл рукой по лбу:

– Ничего, тебе слышалось. Так ты позвонишь Эдику?

– Позвоню, не переживай. Саша, это будет отличный мультик!

– Не сомневаюсь...

– Ещё бы! Ну, будь здоров, неуклюж! Встретимся на студии.

Из трубки донеслись короткие гудки. Поэт встал, подошёл к залитому дождём окну и выглянул наружу. Двор тонул в мокрой круговерти, превратившись в подобие неряш-

ливой размытой акварели. В огромных лужах возникали и лопались пузыри, доказывающие, что дождь зарядил надолго. Александр Павлович смотрел на мутные, коричневатые потоки воды, заливающие асфальт, и пытался пробудить в себе детские воспоминания.

Нет, бесполезно, думал он. Я даже не помню, как они выглядят. Не помню, сколько их было, откуда они появились, куда ушли... Да и не привиделось ли мне? Вполне вероятно. Какие-то смутные ассоциации, образы, реалистичный сон – и ложное воспоминание готово. Так или иначе, но многие дети, услышав песенку, зададут взрослым один и тот же вопрос.

Кто такие неуклюжи?

И не получают ответа. Потому что взрослые их не видят.

Поэт вздохнул и снова сел за пишущую машинку. Что ж, подумалось ему, зато стишок получился запоминающийся. А про семью неуклюж он ещё обязательно напишет!

И в комнате вновь застрекотал машинописный пулемёт.

Внизу, во дворе, от мокрого ствола дерева отделилась корявая, кривобокая фигура. Сильно припадая на левую ногу, она подковыляла к дому и подняла зубастую морду, всматриваясь в окна. Но там никого не было видно. Существо тяжело вздохнуло, повернулось и захромало вон из двора. На улице оно присоединилось к длинной веренице фантастических созданий, с мрачным упорством бежавших по лужам неизвестно куда, и вместе с ними устремилось прочь.

Топоча, спотыкаясь, налетая на фонарные столбы, еле уворачиваясь от случайных пешеходов, неуклюжи промчались по дороге и растворились в сплошной дождевой пелене...

Сергей Пальцун

Два байта

Рассказ

Сева по прозвищу Царь был человеком увлекающимся. Настолько, что люди, сталкивающиеся с ним впервые, частенько пугались пылающего в Севиных глазах энтузиазма, принимая его за одержимость, а терминологически подкованные – за мономанию. Один лирик даже пошутил, что, родись Царь лет на двадцать раньше, главного героя песни Высоцкого «Наш Федя с детства связан был с землёю» точно звали бы Севой. И все они: и пугающиеся, и шутник, были не правы. Во-первых, Сева никогда не интересовался археологией, и, во-вторых, ни одно увлечение, которым он действительно предавался со всей возможной страстью, не длилось достаточно долго, чтобы сойти за приличную манию. За исключением разве что альпинизма, которым Царь занимался лет пять, да и то, наверно, лишь потому, что в горы мог ходить только летом.

Одно время родители пытались приучить Севу к постоянству. Но скорость, с которой канули в Лету опасные увлечения химией и метательным оружием, примирила их с донжуанской переменчивостью сына. Тем более что благодаря способности схватывать всё на лету и неотразимому обая-

нию, на Севинной школьной успеваемости она никак не отражалась. Единственное, что продолжало беспокоить родителей, это поступление в институт. Стоило Севе в год поступления увлечься философией или древней историей, как его жизненные перспективы становились туманными и неутешительными. Но и здесь всё сложилось как нельзя лучше: сразу после окончания школы Царь увлёкся Станиславом Лемом и без труда прошёл в политехнический на вычислительную технику. Куда я, между прочим, давно его звал.

Исчерпав... Именно это слово Сева обычно употреблял, объясняя утрату интереса к очередному увлечению. Например, когда я помогал ему тащить на встречу с покупателями пару рюкзаков ненужного больше альпинистского снаряжения, и поинтересовался, не жаль ли ему расставаться с горами, Царь ответил: «Нет. Эта тема себя исчерпала. Я теперь точно знаю, что если буду продолжать, то лет через шесть смогу взойти на Эверест. И мне этого вполне достаточно». Так вот, исчерпав за первый курс увлечения портвейном, преферансом и тетрисом, Сева начал всё чаще поглядывать на симпатичных однокурсниц, но тут я подбросил ему «Волшебника Земноморья». Каюсь, как и в случае с «Кибериадой», не без задней мысли – мне хотелось иметь собеседника, с которым можно обсудить прочитанное.

Результат, однако, оказался не совсем ожидаемым. Ни персонажи, ни мир Земноморья Севу особо не тронули, но вот Истинная Речь заинтересовала настолько, что Царь за-

хотел её изучить. На мои робкие возражения, что Истинная Речь не более чем художественный вымысел, Сева отвечал:

– Не скажи, Томми. Всякий вымысел основан на чём-то реальном. Мы просто не можем придумать ничего такого, что в той или иной форме не существовало бы в окружающем мире. Все эти кентавры, грифоны и прочие химеры – всего лишь компиляции известных животных. А тот же автомобиль – телега, к которой вместо лошади прицепили мельницу.

Так и с Истинной Речью. Взгляни хотя бы на программы. Сколько ни пиши в командной строке «NortonCommander» или «ChiWriter», толку не будет. А набери Истинное Имя «nc.exe» или «cw.exe», и программа тут же откликнется, и начнёт на тебя работать. Почему бы не предположить, что до появления программ этот принцип уже существовал? Вспомни хотя бы бабу Настю. Как она боится чёрта поминать, потому что он может появиться. А ведь в старину демонов вызывали. И вызывали, используя их Истинные Имена. Между прочим, не потому ли нашим предкам удалось выбить всех мамонтов, что они знали Истинное Имя мамонта? Ведь слоны и сейчас себя неплохо чувствуют...

В общем, Севой овладело очередное увлечение и спорить с ним было бесполезно, пока оно себя не исчерпает. А наступить это, по моим прикидкам, должно было достаточно быстро. Я никогда не слышал, чтобы кому-то удалось, сказав слово, заставить служить себе хотя бы муравья, а Царь

никогда не увлекался бессмысленными вещами дольше чем два месяца.

Эти два месяца я провёл на институтской турбазе, подрабатывая уборщиком территории. Вернувшись к сентябрю в город, узнал, что Сева бросил институт и поступил в какое-то религиозное учебное заведение. Это было странно, потому что повышенной, да и просто заметной невооружённым глазом религиозностью он никогда не отличался. Очередное увлечение – решил я, и оказался не прав. Увлечение было тем же, просто в заведении изучали старогреческий, латынь и староеврейский, и Царь полагал, что изучение древних и мёртвых языков приблизит его к овладению Истинной Речью.

Той осенью мне было не до Севы. Сначала я пережил бурный, но непродолжительный роман, потом долго и мучительно ликвидировал выросшие за время этого романа хвосты, да и жили мы теперь с Царём в разных дворах. Его отец, овдовев, женился на Севиной ровеснице и купил сыну квартирку на другом конце города. Поэтому когда перед Восьмым марта в дверь позвонили и на пороге, как в старые школьные годы, возник Царь, я, конечно, обрадовался, но и удивился. Не ждал. Сева между тем как ни в чём не бывало, прошествовал на кухню и занял свою любимую табуретку возле холодильника.

– Ну как твоя бурса? – шутливо спросил я, ставя на плиту чайник. – Узнал, что хотел? Аристотеля в подлиннике чита-

ешь?

– Не читаю, – ответил Царь. – Семинарию бросил. А что хотел – узнал. Да.

– И что же?

– В начале было Слово.

– И слово было два байта... – с улыбкой подхватил я, поворачиваясь к Севе... И осёкся, поскольку тот был непробиваемо серьёзен.

– Чем же ты теперь занимаешься? – решил я сменить тему.

– Ищу это Слово.

– Но ты же, вроде, Истинную Речь искал...

– Это то же самое, – пожал плечами Царь. – Но на другом уровне.

Я непонимающе мотнул головой и полез в холодильник за маслом, а Сева продолжил:

– Попробую объяснить. Смотри, для компьютера мы творцы, так?

Я угукнул.

– И мы, как творцы, приказываем ему делать то, что нам надо. Запуская для этого разные программы. С нашей точки зрения, каждая программа это команда, слово. Сказали: «Редактор!» – появился редактор. Сказали: «Калькулятор!» – появился калькулятор. Сказали: «Тетрис!» – появился стакан со всякой фигнёй. А ведь каждая программа написана, например, на том же бейсике, и в свою очередь состоит из слов – операторов. А каждый этот оператор для процессора

означает целый список слов – машинных кодов, которые он, в отличие от нашего языка, понимает. Улавливаешь суть?

– Типа, человеческие языки это машинные коды или диалекты ассемблера, Истинная Речь – это что-то вроде Си или бейсика, а Слово – это программа? И ты собираешься восстановить исходник этой программы? Ну-ну. Интересно как?

Царь усмехнулся:

– Известно как. Дизассемблирование, декомпиляция...

– А всякие древние языки, значит, типа, фортран?

– Древние языки, Томми, как ты правильно заметил, те же диалекты ассемблера, только для древних процессоров. И толку от них ненамного больше, чем от современных. А на Истинной Речи, возможно, когда-то и говорил целый народ, вот только следов от него не осталось.

– Так это ж атланты! – не удержавшись, съязвил я. – Навечно в памяти народной. И небо они держат на каменных плечах!

– Серый, ты гений! – воскликнул Царь. – Про атлантов я как-то не подумал...

Некоторое время мы молча пили чай. Сева думал об атлантах, а я размышлял, что делать с Севой. Текущее увлечение походило на мономанию гораздо сильнее, чем все предыдущие, а видеть школьного друга в психушке мне совершенно не хотелось.

– Слушай! – осенило меня. – Вот найдёшь ты Слово или Истинную Речь, а что ты с ними будешь делать? Не боишься

повторить путь Горлума?

– Горлума? – с трудом оторвавшись от размышлений, спросил Сева. – Какого Горлума?

– Ты что, не читал «Властелина Колец»?! – немного преувеличенно изумился я. – Сейчас мы это исправим!

Сбегав в комнату, я притащил толстый том Толкина и вручил Царю.

– Читай! Там, кстати, и про Высокую речь, она же Древний язык, и вообще...

Сева ушёл. Вернулся почти через год.

Я, ничего не спрашивая, взял книгу, провёл гостя на кухню и занялся чаем.

Сева устало откинулся на холодильник и, прикрыв глаза, молчал.

– Ну как дела, чем занимаешься? – поинтересовался я.

– Всё тем же. Ты был прав, Томми, Истинная Речь нужна не для того, чтобы властвовать, а для того, чтобы творить. Кстати, знаешь, что слово «тварь» в старину означало не «мерзкое животное», а просто «создание» или даже «изделие»?

Я не стал отказываться от приписанной мне правоты и просто угукнул, подтверждая, что слушаю. Сева, впрочем, не обратил на моё угуканье никакого внимания.

– А вот насчёт атлантов ты был прав не вполне. Похоже, они действительно говорили на Истинной Речи, но она не погибла вместе с Атлантидой. Ею наверняка владели лю-

ди и в других частях света, по крайней мере образованные. Но гибель атлантов заставила этих людей скрывать свои знания и, более того, делать всё возможное для того, чтобы остальные забыли и об Атлантиде, и об Истинной Речи. Поэтому что именно она привела атлантов к трагическому концу. Ведь Истинная Речь требует, чтобы говорящий осознавал всю полноту смысла произносимых слов и говорил исключительно осознанно, а не просто болтал языком, как привыкли мы. Помянув на ней чёрта или какого-нибудь зверя, человек не просто вызывает их, он их создаёт! Произнёсший Слово, создал мир, а говорящие на Истинной Речи изменяют его, создают отсутствующие детали. Одни – пирамиды, другие – тараканов, слепней и комаров.

Поэтому многие слова, которые мы сейчас употребляем, или имели в древности другие, часто противоположные значения, или являются эвфемизмами. Например, ядом называли просто еду, позором – зрелище, а «медведь», «топтыгин», «косопалый» и прочее – это эвфемизмы для слова «бер», которое, в свою очередь, наверняка было эвфемизмом ещё для какого-то слова.

– Похоже, чтобы во всём этом разобраться жизни не хватит, – заметил я, наливая чай.

– И опять ты прав, друг мой Серый. Если атаковать по всему фронту, одному человеку не хватит ни времени, ни мозговых ресурсов. Но ведь можно прорваться, выбрав узкий участок! И я такой участок нашёл!

– Любопытно, какой, – я пододвинул к Севе чашку чаю и вазочку с профитролями.

Он механически взял один, не жуя проглотил и продолжил:

– Я понял, что искать нужно в самой табуированной и богатой эвфемизмами части языка – обценной лексике. Например, самое главное из матерных слов...

– Э-э-э, не стоит, Царь, – вмешался я. – Родители дома, а они этого терпеть не могут, ты же знаешь.

– Не бз... бойсь, Серый, я буду держать себя в рамках. Возьмём научное слово «член», которое означает часть чего-то, например тела. Сейчас оно считается не совсем приличным и заменяется в печати иностранными словами, типа «пенис» или «фаллос». А множество эвфемизмов, которым заменяют старое доброе слово «хер»?

Я кашлянул.

– К твоему сведению, Томми, «хер» это название буквы русского алфавита, с которой начинается слово, которого я обещал не произносить. Помнишь, «аз, буки, веди...»? До революции в школе детишек так учили, и ни у кого никаких задних мыслей не возникало. Но самое смешное, что пресловутое нехорошее слово само по-монгольски означает всего лишь длинный предмет и является эвфемизмом для слова «уд», которое, в свою очередь, означает член, то есть часть чего-то. Как тебе спиралька? Куда там тому топтыгину или патрикеевне.

– Да уж, – вынужден был согласиться я, – наворочено.

– А раз кто-то на протяжении веков заменяет одни эвфемизмы другими, затушёвывая исходные формы до полной неразличимости, то не здесь ли зарыта собака? И я до неё докопаюсь!

– Слушай, Сева, – решил я наконец я. – Я знаю, что остановить тебя практически нереально, но подумай сам, стоит ли тратить жизнь на заведомо безнадёжное дело? Посмотри на себя – при таком режиме ты сгоришь года за два. Дотла. Даже если всё сказанное – правда, и ты на верном пути. Тебе не кажется, что мозг современного человека, даже самого выдающегося, просто не в состоянии справиться с подобной задачей? И где, в конце концов, доказательства, что ты не гонишься за миражем?

– Нет, ты всё-таки гений, Серый, – засмеялся Царь. – Хоть и не самый выдающийся. Естественно, человек в том виде, к которому его привели, с такой задачей не справится. Но ведь это можно исправить, так? И я нашёл способ, который, кстати, одновременно служит доказательством моей правоты.

– Ну-ну, и что же это за способ?

– Слово, конечно! Слово Истинной Речи, – Сева встал, махнул прощально рукой, произнёс что-то неразборчивое и ушёл. Опять на год.

Этот год подтвердил Севину правоту. После его визита моя умственная трудоспособность возросла настолько, что я, не напрягаясь, писал программы для пары фирм, одновре-

менно изучив до уровня свободного владения английский, немецкий, испанский и французский языки, и начал при-
сматриваться к китайскому и японскому. В институте при
этом получал одни пятёрки и вполне мог бы сдать экстерном
все оставшиеся курсы и получить диплом, но не видел смыс-
ла спешить.

Естественно, я пытался найти Царя, но он как сквозь зем-
лю провалился. Я решил, что когда будет надо, он сам меня
найдёт, и не ошибся.

В этот раз Сева выглядел значительно лучше. Я, как обыч-
но, готовил чай, а он молча ждал, поглядывая то на меня, то
в окно. Вопросы теснились в моей голове и рвались наружу.
Но что-то подсказывало, что ответы на них мне и так извест-
ны, и я тоже молчал. Наконец чай был готов, я сел за стол,
и Царь заговорил:

– Ты как всегда прав, Томми. Я нашёл Слово. Я долго ду-
мал, стоит ли его произносить, не опасно ли это для мира, и
решил, что не опасно. Ведь это Слово творения, а не разру-
шения. И я хочу, чтобы ты тоже его знал. На всякий случай.

Он залпом выпил горячий чай, хлопнул меня по руке, под-
нялся и произнёс Слово...

Зазвенели по подоконнику осколки лопнувшего от скачка
давления стекла. Я от неожиданности вздрогнул и взглянул в
ту сторону, а когда обернулся – Царя на месте не оказалось.
Лишь пыль, слетевшаяся, похоже, из всех кухонных щелей,
медленно оседала на его любимую табуретку...

Больше Царя никто не видел. Впрочем, кроме меня никто о нём и не помнил, и на мои вопросы лишь удивлённо пожимали плечами, не понимая, о ком речь. Увижу ли я его снова? Не знаю. Но я уверен, что через сто, а может, через тысячу лет на нашем небосклоне появится новая звезда или даже галактика. Может быть, мне даже удастся добиться того, чтобы её назвали Сева. А может, к тому времени я уже произнесу намертво впечатавшееся в память Слово, и... Но пока у меня есть ещё дела здесь.

Юлиана Лебединская

Слова имеют значение

Рассказ

1. Клис вне традиций

Молодой рифмовик Клис сидел в Душном офисе и уже третий час бился над новым стихотворением. Стихотворение получалось красивое. С точки зрения Клиса. Но по мнению всех остальных оно выходило не таким. Почему так, Клис не знал, да и знать не хотел. Вместо этого решил выбраться на обед, однако в решении своём, к сожалению, был не одинок – любимый ресторанчик оказался заполненным по самое не хочу. А «не хочу», надо сказать, обреталось сегодня очень высоко, почти под потолком. Клис печально взмахнул крылышками, оторвался от земли и завис между буквами «е» и «ч».

– Мне пять варёных глаголов и один жареный предлог! – крикнул Клис рифмо-повару.

На Клиса странно покосились. Ни один крылат не смел взлетать до уровня (а уж тем более – выше) Хранительницы Ресторана – строгой Ленты с лаконичной надписью «не хочу!». Лента тоже покосилась на Клиса, но ничего не сказала.

Только, дёрнувшись, поднялась ещё на пару сантиметров.

– Что с тем крылатиком? Он болен? – зашептала юркая рифмовица Манка, новенькая.

– Да нет, он просто... того... нетрадиционной стихо-ориентации! – отчаянный шёпот из глубины зала.

– А-а-а! – протянула Манка.

Прочие же крылаты с крылатками лишь сокрушённо покачали головами, сделав вид, что тут же забыли о странном рифмовике. Клис, в свою очередь, притворился, что совсем он и не странный, а вполне себе нормальный, наспех впитал в себя глаголы с предлогом и вылетел прочь.

На улицу.

Надо было возвращаться в Душный офис – творить вместе с другими рифмовиками маленькие стишки, которые потом сольются в единый Стих Дня, Месяца, Года... Надо было... Но крылышки Клиса сами потащили хозяина в Душистый рифмо-парк. Клис не возражал. «Извилинам нужен воздух! – решил он, радостно расправляя четыре прозрачных крылышка, набирая высоту, подставляя круглое пушистое тельце тёплому летнему ветру. – Особенно после недавней парикмахерской...» Воспоминания о парикмахерской заставили погрустнеть. И зачем он туда пошёл? Ах да, Кена настояла на биохимической завивке извилин.

– Может, хоть так из твоей головы дурь выбьется! У всех мужья как мужья, а у меня – с нетрадиционной стихо-ориентацией! – причитала Кена, комкая изящной ладошкой лист

со стихами Клиса. Стихи протестовали каждой буквой – кто же захочет жить на смятой бумажке? – «Во сне – не там, где ты и я; во сне у дикого огня, горит...» – Деструктивный тип! – всхлипнула Кена.

«Хорошо тебе всхлипывать, – подумал Клис. – Ты не пишешь, даже не сочиняешь – просто рисуешь. Что одобрит начальник, то и рисуешь. Квадратный квадрат, рыжий огонь, а сон огня? Сложно, наверное, нарисовать... Да и не одобрит его никто...»

– Не плачь! – вздохнул Клис и побрёл в парикмахерскую.

Впрочем, после завивки дурь из головы вовсе не выбилась, а наоборот – сильнее закрутилась в извилинах. Из-за чего творения несчастного рифмовика стали ещё прекрасней и просто до неприличия не такими.

А вчера, когда выпавшийся Клис лёгким пёрышком выпорхнул на кухню, вместо утреннего поцелуя его встретила хмурая записка от Кены. Кена сообщала, что устала быть женой посмешища и просила ей не звонить. Кена каждой строчкой кричала, что проплакала над запиской всю ночь и умоляла её понять. Кена писала ещё что-то, но Клис не дочитал – его пальцы вдруг стали совершенно непослушными – не спрашивая разрешения, схватили записку и, скомкав, швырнули в ведро для мусора. Записка возмущённо крикнула и резво выскочила в окно.

Тогда Клис сел и написал новый стих. Стих получился ужасным (одно «ути-пути, моя зайка, как хочу тебя» – чего

стоит). С его точки зрения. Но он получился почти таким. С точки зрения начальника Душного офиса. Поэтому начальник не только не уволил Клиса, как уже давно грозился, но и пообещал выписать поощрительную премию. За усердие, так сказать.

Клис хотел отослать стих Кене. Подарить насовсем. Он даже дорисовал между рифмованными строками сумму поощрительной премии, но в последнюю минуту передумал. Зачем дарить кому-то стих, если он – плохой?

Это было вчера.

А сегодня Клис проснулся с мыслью, что Кена ушла не прошлым утром, она ушла от него давно, просто сейчас сделала это окончательно. От такой мысли стало намного легче. Настолько, что с него буквально посыпались прекраснейшие стихи.

Стихи, которые нельзя показывать начальнику Душного офиса – поощрительные премии всё-таки с неба не капают и на душистых ветках не растут.

– Может, тебе отбеливание мыслей сделать? – Мик, товарищ по рифмо-цеху, присел на лавочку возле Клиса и выразительно покосился на строчки, нахально выглядывающие из чёрной папки. – «...и солнце алым квадратом встаёт...» Бе-е-едный Клис! Ну, где ты видел квадратное солнце? От-бе-ли-ва-ни-е мыслей! Настоятельно рекомендую. Говорят, это даже круче, чем биохимическая завивка извилин...

Клис зажмурился, сделав вид, что очень занят.

А когда открыл глаза, Мика уже не было. И – о ужас! – пропали и прекрасные стихи! Чёрная папка на месте, закрыта, а стихов нет. Выскользнули в щель и удрали! С ними такое случается. Но... Вдруг попадутся на глаза начальнику Душного офиса? Прощай, премия! И работа – тоже прощай. Нет, голодная смерть Клиссу не грозит – при желании он и сам нажарит глаголов с местоимениями и прочими вкусо-стями не хуже повара. Просто любому рифмовику необходим выход стихов – необходимо, чтобы строфы с куплетами выплёскивались за его, рифмовика, рамки, иначе... Последняя капля тем и прекрасна, что падает пока ещё в чашу. Последний раз. Следующая – упадёт уже на пол...

Начальник Душного офиса понимал это как никто другой. Потому и жалел Клиса, позволял ему работать, прикрывая глаза на нетрадиционную стихо-ориентацию. Нехорошо лишний раз подводить начальника.

Клис в страхе летал по парку, заглядывал под каждый кустик, перетрушивал каждую веточку – стихов не было. Клис звал. Клис кричал. Клис топал ногами. Клис, вконец отчаявшись, прислонился к молодому деревцу. Сложил крылья. Выдохнул. Тихо выругался неприличным словечком. Неприличное тут же материализовалось в подобие человеческой ягодицы и мерзко захихикало. Клис раздражённо махнул рукой и вдруг услышал.

Плач. Тоненький. Такой трогательный и такой мелодичный, что, кажется, никого не способен оставить равнодуш-

ным. Клис, забыв обо всём, бросился на выручку. Под самым ароматным кустиком Душистого парка рыдала Манка – та самая новенькая рифмовица. А у неё на коленях уставшим котёнком свернулись сбежавшие стихи.

– Это... Это... – Манка подняла глаза на удивлённого Клиса. – Они самые прекрасные... Это... Самое лучшее...

– Это моё... – растерянно пролепетал Клис.

– Зна-а-аю-ю-ю! – брызнула слезами Манка. – Твои стихи! Говорят, начальник берёт из них всего по строчке. Потому что, говорят, остальное нельзя читать! Никому. Новичка-а-ам особенно. Вот и не читает никто полностью. А я прочла-а-а... И не могу... Неужели, – она трогательно высморкалась в кружевную салфетку, – неужели я тоже нетрадиционной стихо-ориентации?

Клис осторожно обнял юную рифмовицу, отправил в папку замешкавшиеся стихи, ласково пошевелил крылышками.

А вечером они сидели в любимом ресторанчике Клиса, впивали сок из наречий и читали друг другу свои прекрасные стихи. И стихи были на самом деле прекрасны – ведь рядом не оказалось никого, кто сказал бы, что они – не такие. Только Лента-Хранительница опустилась низко-низко – так, что во всём ресторане осталось место лишь для двух влюблённых – и улыбалась незамысловатой ленточной улыбкой. А за её спиной догорало алое квадратное солнце...

2. Жареный глагол

Юная рифмовица задумчиво смотрела в окно на пушистые зелёные облака и квадратное солнце. Рядом на литературной сковородке недовольно шипели глаголы.

– Манка! – вскрикнула Типа-Строгая-Начальница. – Опять мечтаешь? Снова глаголы сожгла!

– Манка жжёт! – вставила подхалимка-секретарь.

Рифмовица встrepенулась, убрала сковородку с огня, замахала над ней крылышками. Глаголы радостно бросились врассыпную.

– Я это... – сказала Манка.

– Влюбилась она, – важно сообщила подхалимка. – И хоть бы в кого хорошего! В нетрадиционного стихоплёта нашего, коего все порядочные девушки десятой дорогой обходят. И взгляните-ка на Манку. Она уже сама скоро на нетрадиционное письмо перейдёт. А кавалера её высокое начальство к сковородке и на полвзмаха не подпускает. Его вообще к честным крылатам допускать нельзя. Посмотрите – уже облака позеленели от его стихов. Тьфу.

– А ты не сплетничай, – сказала Типа-Строгая и повернулась к Манке. – А ты иди глаголы собирай.

Глагол забился в щель и тщательно зализывал раны с ожогами. Нетрадиционные личности – это, конечно, прекрасно. В смысле, не пресно и не прилизано до тошноты. Но, с дру-

гой стороны, от этих личностей никогда не знаешь, чего ожидать. Такие они со всех сторон... нетрадиционно-загадочные. Глагол и не стал ждать. Зализав последний ожог, протиснулся глубже в щель и выпал в Большой Мир. Не строчкой выпал, не рифмой, а самим собой – глаголом гордым, независимым и слегка поджаренным.

Глагол шёл по городу. И всё-то в нём было не так – трава не зелёная, пыльная, машины носятся, визжат тормозами, люди суетятся, бегут, постоянно куда-то опаздывая. Но при этом никто не действует. Вроде и движения – бери-не-хочу, а действия – нет. Станный мир. Хоть и Большой.

Глагол подошёл к скамейке, на которой уютно устроилась парочка молодых людей.

– Знаешь, Вита, – неуверенно мямлил парнишка, – я давно хочу сказать. Ты очень мне... мнэ-э-э... С тех пор, как мы... э-э-э... ы-ы-ы... Ох! Мне просто слов не хватает, чтобы описать всё, что я чувствую.

Рядом топтались слова, словосочетания и даже одна стихотворная строчка. Нас не хватает? Да как же? Вот же мы! Здесь! К вашим услугам! Берите, пользуйтесь, на здоровье, мы не жадные, нас на всех хватит.

«шаг за шагом»

«в темноту»

«шея, губы, чёлка»

«люблю»

«хочу!»

«на улице разборка»
«её глаза на звёзды не похожи...»
«ещё и как»
«похожи!»
«ночной прохожий»
«ужин»
«...вдвоём!»
«луна и мартини»
«игра Паганини»
«в четыре руки»
«посмотри!»
«ох, глупое сердце моё»
«гори!»

Глагол сочувственно смотрел на товарищей.

– Не замечают?

Товарищи сокрушённо вздохнули. И затараторили наперебой.

– Не-а. Вообще нас ни во что не ставят. Говорят – слова не главное.

– На себя бы посмотрели!

– Да! Взгляни на этого Ромео. В драку за незнакомую девушку не побоялся броситься, а как до признания в любви дошло – двух нас связать не может.

– Так вы бы, того, сами связались.

– Нельзя. Если человек к тебе обратился – ты к его услугам, а самим – нельзя. Здесь тебе не Крылатия, забыл? Хо-

тя, – товарищи смерили глагол подозрительным взглядом, – странный ты какой-то. Откуда ты вообще взялся?

Глагол не ответил. Прошёлся вокруг парочки. Юноша всё ещё мямлил, девушка начинала скучать. Прийти на выручку кавалеру и помочь ему связать хотя бы пару слов она даже не пыталась. Хотя и хотела. Эх, люди.

Глагол подпрыгнул, завис на секунду в воздухе и устремился прямо на девуцу.

Раз...

– Ну в общем, это... Я тут много чего наговорил... (ничего ты не сказал, балбес.)

Два...

– Не обращай внимания. Я когда выпью... Забудь, в общем. (поздно, юноша!)

Три!

– ДЕЙСТВУЙ!

Юноша замолк на полуслове. Уставился на подругу. Та испуганно моргала, словно не веря своим же словам. Вернее – слову. Кавалер не стал ждать, пока она скажет ещё что-то. Схватил за руки и впервые за их знакомство поцеловал. Девушка не возражала.

Глагол спрыгнул на землю и, насвистывая, продолжил путь.

– Эй! – крикнули ему вслед. – Да ты отчаянное словечко!

– Нет. Просто жареное, – ответил глагол, не оборачиваясь.

Виктор был лучшим другом. Нет, больше, чем другом. Он

ведь его, Павла Егорова, из долговой ямы вытащил, встать на ноги помог. Потому и ехал сейчас Павел, забросив все дела, на день рождения к другу. В другой город. Подарок дорогой вёз – «ролекс» настоящий. Полгода на него копил.

Единственное, о чём жалел Паша всё это время, – что никак не представится случай отблагодарить Виктора. Нет, не то чтобы он желал другу влипнуть в неприятности, но... хочется же благодарность проявить! А повода нет.

А друг возьмёт и решит, что он вообще на неё неспособен. На благодарность-то.

Когда герою нашему – глаголу жареному – попался на глаза Павел Егоров, тот сидел в ресторане, на дне рождения благодетеля Виктора, потягивал мартини и представлял, как вытащит друга из горящего дома. Или – из ледяной проруби. Или – из лесу тёмного жуткой зимой.

Друг бы всплакнул и сказал, что теперь он у Паши в долгу, а Паша в ответ: «Не стоит. Ты ж для меня...»

«света луч»

«когда»

«лишь глухота»

«вокруг»

«наплевать на тебя»

«спасение»

«чьих дело рук?»

«даёшь развлечение!»

«не дашь?»

«скучно»
«грустно»
«тони»
«когда доплывёшь»
«звони»
«только ты»
«в холодную воду»
«чужие долги»
«ада круги»
«друга шаги»
«один, лишь один...»

Слова струились водопадом, но оставались незамеченными. Паше не хотелось слов. Ему хотелось подвигов.

А друг тем временем рассуждал о том, как он мечтает начать новое дело – прибыльное, но рискованное. Требуется оно больших капиталовложений, но может и не выгореть. Однако если выгорит... Паша слушал вполуха. Он не богат, бизнес-хватки отродясь не имел, а потому в этом деле другу не помощник. А жаль.

Прощались в аэропорту. Все слова отстали, рассыпались по дороге бисеринками, лишь одна частица симпатичная, белая и пушистая, настойчиво трусила за друзьями в надежде, что её всё же заметят.

И глагол жареный не отставал. Интересно же, чем закончится?

Частица взирала на него с тоской.

Эх, была не была, подумал глагол, хватая пушистую страдалицу на руки. Прыжок и...

– Спасибо!

– Что? – Виктор удивлённо смотрел на друга. Они стояли у пропускного пункта, Павел уже попрощался и вдруг обернулся, даже в лице как-то изменился. – За что «спасибо»?

– За то, что тогда меня выручил, помнишь? – и Паша заговорил.

О том, как он вляпался по самые помидоры, а от него все отвернулись, и он уже почти разуверился в людях, как вдруг Виктор пришёл ему на помощь. Единственный, кто пришёл.

– Э... – Виктор казался растерянным. – Да полно тебе. Давно это было.

– Не так и давно. А я ведь и не поблагодарил тебя толком. Всё удобного случая ждал.

– Да полно...

– И знаешь что ещё. По поводу того, что ты в ресторане говорил. **ДЕЙСТВУЙ!**

Виктор улыбнулся.

– А вот за это – тебе спасибо.

Самолёт взлетел, Виктор уехал домой. Оба друга чувствовали себя так, будто совершили только что нечто важное. И, пожалуй, так оно и было.

В аэропорту отряхивалась довольная частица.

– Это против правил, – сказала она, притворно топорща белую шёрстку.

– Мне-то что? – ответил глагол. – Я ведь – жареный.

– Олеся, Олеся, как что сразу – Олеся. После работы надо задержаться, отчёты перепроверить, к кому бегут – к Олесе! Подменить коллегу нужно – к Олесе. Срочно прикрыть от налоговой – Олеся. А что Олеся взамен имеет? Фигу пахучую с маком, вот что!

Олеся металась по офису. Вот уже который раз она пыталась завести разговор о повышении зарплаты, но шефиня в который раз умело от разговора уходила.

Перед встречей с Олесей глагол наш успел уже заскучать, а потому, завидя незадачливую бухгалтершу, искренне обрадовался и, не долго думая, ринулся в бой. Начальница Олеси как раз вышла из своего кабинета, когда глагол устремился в полёт.

– Ты что-то хотела? – Шефиня останавливается, смотрит на Олесю так, будто впервые видит. – Действуй!

И Олеся радостно выплёскивает чашку чая ей в лицо!

«Ну и ладно, – думает глагол, улепётывая из бухгалтерии под душераздирающие женские вопли, – зато хоть душу отвела бухгалтерша».

– ДЕЙСТВУЙ!

И жена высказывает мужу накопленное за долгие годы. После чего выставляет озадаченного супруга в ночь.

– ДЕЙСТВУЙ!

И компания подростков разносит на осколки витрину магазина.

– ДЕЙСТВУЙ!

И мобильный телефон коллеги, сутками напролёт трещащей над ухом, летит в унитаз...

Глагол пребывал в глубочайшем недоумении. Почему-то при призыве действовать большинство людей начинало творить нечто, о чём даже само не мыслило. И вместо того чтобы сказать, попросить, прикрикнуть наконец, устраивало армагеддон в миниатюре. План глагола близился к провалу.

Вот если б можно было...

– Попался! Наконец-то!

Глагол обернулся. Прямо на него летела Манка, та самая поджарившая его рифмовица.

– Я тебя повсюду ищу! Ох и досталось же мне за то, что тебя потеряла! Идём скорее, – она схватила глагол за шиворот и быстро-быстро замахала крылышками.

– Да-а, натворил ты делов, – сказала Манка, когда они вернулись на такую родную рифмо-кухню, и глагол рассказал о своих приключениях.

– Натворил, допустим. А почему, собственно? Люди вялые, как кабачки перезрелые. Пока не пнёшь – не пошевелиятся. Но одному мне с ними справиться – сложно. Что я могу им дать, кроме призыва «Действуй!»? А помочь некому. Мало. Мало нас, словечек жареных, – сокрушался глагол.

Манка вздохнула и встала к сковородке.

3. Безглаголие, или О пользе филологов

Полгода спустя собралось в Крылатии великое собрание, дабы решить, что с нажаренными Манкой глаголами делать? Безобразничают глаголы, контролю не поддаются, мир людей в форменный бардак превратили. И взял высокопарную речь верховный крылат:

– От глаголов мочи нету. Днём и ночью нет покоя! Потому – моё вам слово, глаголы нынче под запретом. Глаголам более не быть!

Горько плакала Манка, когда её столь любовно обжаренные глаголы дружным строем отправились за решётку. И необжаренные – туда же. На всякий случай. Лишь горстку избранных оставили – для внутреннего употребления.

И из-за чего сыр-бор, спрашивается? Подумаешь, научились глаголы с людьми по-особому взаимодействовать и к разным действиям сподвигать. Причём способность такую имели именно жареные, и именно глаголы. Другие слова сколько ни копти на сковородке, толку – ноль.

Возмутились они. Беспорядки в мире людей, видите ли. Можно подумать, у этих странных существ без глаголов беспорядков не будет. Эх...

Манка печально смотрела в окно.

Утро. Море, волны. Яркий диск солнца. Люди – ногами по дороге. Пятками – по песку. Руками – по воде.

– Мороженое! – звонкий детский голос.

– Вчера, – строгий ответ мамы.

– Почему? Сегодня, – недоумённый взгляд ребёнка.

– Вчера – целых два, поэтому сегодня – ни одного.

– Вчера – пломбир. Сегодня – фруктово-о-ое!

– Лучше к морю, ногами. Перед глазами – море. И ракушки в руках.

Елена – в растерянности. Она – преподаватель русского языка и литературы. Обычно – полное понимание с детьми. И с Игорем, собственным сыном, – разумеется, тоже. А сейчас... Дефицит слов какой-то. Недовольный сын быстро-быстро ногами топ-топ. Рука Елены – на руке Игоря. А в голове – кавардак.

Они у самого моря. Следы волн на босоножках. Медузы на песке.

– Я – в воду, руками, – мальчишка уже без майки и почти без шорт.

– Нет. В воду только с папой – вечером. У него – руки в воде.

– Сейчас. Один. Папино слово – можно.

– А моё – нельзя! – Рука ребёнка – из руки матери.

– Я быстро! Папино слово – я хорошо руками!

– А я тебя – по попе. Тоже руками! – У Елены – обескураженность и лёгкий испуг. И странное ощущение, что с миром что-то не так.

Игорь – на волнах вверх-вниз. Голова над водой, голова под водой. Чайка – вьяк! Далёкий крик Игоря:

– Мама, я на дно! НА ДНО-О-О!

И голова – под воду.

Сердце – испуганно стук. Её сын – под воду, на дно. Словно камень. Караул! На помощь, кто-нибудь!

Елена бяк-бяк по пляжу.

– Мой сын – в воде, а я – нет! Я руками – не... Я без рук в воде. И без ног. Тьфу! Да что же это? На помощь!

Мужчина – спиной на песке, во взгляде – непонимание. Его рука – прямой указатель за её спину.

– Это ваш сын?

Из воды – Игорь, мокрый, взъерошенный и довольный. В руках – красивая ракушка.

– Со дна! Для тебя! – в голосе радость.

Что-то не так с миром, – снова тревожная мысль.

Вечер. Она с мужем и сыном в парке.

– Хорошо перед сном ногами на природе, правда? – в голосе мужа удовольствие.

Сын – быстро-быстро вслед за белкой. Белка – лапами и хвостом по дубу вверх.

– Правда, – Елене всё ещё беспокойно. – А днём Игорь –

внезапно на дно. А у меня – страх и паника.

– Я не на дно, – сын уже рядом. – Я за ракушкой. Красивой. Для мамы.

– Ах, ракушка! Леночка, а почему же страшно?

– Мне показалось, что Игорь – на дно! – отчаяние в голосе.

– Ну да. И я ж об этом. На дно.

– Ай, – внезапная боль, – голова моя!

– Леночка, что с тобой?

– Не со мной. С миром. Неужели только мне кажется...

Только мне чувствуется...

– Что кажется, милая? – Ладонь мужа на её лбу. – Что чувствуется?

– Что всё не так... – скамейка. На неё – ягодицы. Я-го-ди-цы-на-ска-мейку. Звучит-то как.

В памяти – её ученики. «Добрый день, дети! Ягодицы – на стулья. Иванов, ягодицы – от стула. К доске – марш!» Тьфу! Неужели она так с детьми?

Разноцветная птица крыльями по воздуху быстро-быстро. Сын в восторге, мать в панике.

– Всё не так, – снова её слова. – Сложно для понимания, для объяснения, но что-то не так. Проклятье. Кто-нибудь. ПРЕКРАТИТЕ это!

* * *

– Глаголы прорываются в мир людей. Из-за решёток вы-

скальзывают. В чём причины и как с этим бороться?

Верховный крылат смотрел на руководителя профсоюза объединённых слов Крылатии. Тот отвечал невозмутимо.

– Причины в том, что не все люди приспособились к безглаголю. Некоторые истинные ценители языка, сами того не ведая, вызывают нарушителей из заточения. Да и не-ценители без глаголов двух существительных связать не могут. У них там сейчас полное непонимание друг друга. Скандалы, обиды и прочие конфузы. Из всех слов в лексиконе людей скоро одни матерные останутся. Мои подопечные отказываются работать в таких условиях.

– Вы считаете, что нужно выпустить жареных нарушителей на волю?

– Я считаю, что, борясь с алкоголизмом, не обязательно вырубать виноградники.

– Откуда это?

– Из мира людей, для которого вы так стараетесь.

Верховный крылат вздохнул и пошёл подписывать новый указ.

4. Божественное прилагательное

И снова возник перед верховным крылатом руководитель Профсоюза Слов. Только не простых слов, а, так сказать, неприличных.

– Глаголы жареные на волю выпустили, а мы, мать вашу,

до сих пор под запретом! Людям нас приходится из-под полы выкорябывать! Я уже молчу о том, что мы не впитываемся ни людьми, ни крылатами. А мы, к сведению твоего свиного рыла, очень даже клёвой популярностью пользуемся.

Верховного передёрнуло. А ведь в Крылатии неприличные ещё более или менее мягко звучат. В отличие от мира людей.

– И у кого же, позвольте полюбопытствовать, вы популярностью пользуетесь?

– У недоумков этих. Людей ваших обожаемых. А если не дадите нам свободу, мы бунт поднимем. И на йух всё разнесём. Вот, – руководитель Профсоюза скривился, копируя верховного, – увидеть извольте!

Они подлетели к окну. На площади перед резиденцией верховного стояло трое могучих крылатов с прилизанной коричневой шёрсткой и грозно держали в руках нечто отдалённо напоминающее тот самый «йух». Размером с хорошее бревно. Верховный вздохнул. Сложил крылышки, подошёл к столу. За что ему всё это? Стараешься-стараешься, концы с концами соединяешь – так, чтобы всем хорошо было. И что? Всякий раз новые недовольные обнаруживаются. А люди, для которых столько усилий, и вовсе не замечают твоего существования.

Устал верховный, очень устал.

– Знаете что, любезный, – повернулся он к руководителю неприличных, – идите-ка вы все на йух. В смысле, к людям,

раз уж они вас так приветствуют. Только совсем идите. В Крылатии чтобы и духу вашего не было больше!

– То есть с полной развиртуализацией здесь и материализацией там. Клёво! А печать первенства нам втулите? – ехидно поинтересовался руководитель.

– Первенства – не дам. Пожалею людей, пожалуй. А вот печать равноправия – на здоровье. И пусть сами выбирают, какой лексикой пользоваться.

Не сразу отдупились словечки неприличные, что нет у них больше крыльев. Да и вообще, интерфейс сменить нафиг пришлось. Очеловечиться, тксказать. Зато люди их приняли с распростёртыми объятьями. Полный: лол: получился.

Идёт человек по улице, а рядом с ним – Хрен Кабысдоший – огромный такой детина, заросший, глазами зыркает. Стоит кому-то человечку не угодить, он его тут же к Хрену Кабысдошьему и посылает. И попробуй только не пойти – не получится. Хрен-то рядом стоит. Ухмыляется.

А уж сколько кайфа всяким сочинителям от такого симбиоза. Что вижу, то и творю, а пипл радостно хакает. А кто не хакает – того к Кабысдошьему. Или ещё к кому – повыше да позакрученной.

Впрочем, не все хавали. И не все творили что ни попадя. Жил, например, на свете писатель – талантливый, несмотря на то, что юный. И отчаянно он всякому неприличию сопротивлялся. Хотя и не всегда успешно.

– Что за бесстыдство нафиг такое? – гневно вопрошал

юноша у мироздания. – Хочется искусства и благолепия, а лезет непотребство со всех дыр. Вместо вдохновения – сплошная матерщина. Где ты, прекрасное звучное слово? То ли дело классики писали: «Люблю грозу в начале мая – когда херачит первый гром». Ой, кажется, у классика иначе было. Где ты, где ты красивое хлёсткое слово? С тех пор как эти «неприличные» на нас неизвестно откуда свалились – пардон, возникли из параллелья и обрели физическую форму, ни строчки нормальной не пишется. В мыслях зарождаются изящные фразы, на бумагу выливается чёрте-что.

Писатель вздохнул. Была у него, кроме канувшего в Лету таланта, ещё одна печаль. Снится уже которую ночь очаровательное хрупкое существо – девушка с золотистыми волосами, стройная, соблазнительная, и светится вся, словно сказочная эльфийка. Аж просыпаться не хочется. И неудивительно! Днём на улицу выйдешь – сплошные гоблинши с Кабысдохами за плечами. И где её искать – незнакомку из сна?

В печальных раздумьях пришёл писатель к озеру – одному из немногих мест в городе, где можно от неприличия отдохнуть. Не любят пришельцы чистых природных уголков. Пугают они их до дрожи в каждом члене.

Одним словом присел писатель на зелёном склоне, погрузился в тяжёлые мысли... И вдруг что-то сверкнуло у берега. Присмотрелся герой наш и глазам не поверил. У самой воды сидела она – стройная, соблазнительная и даже светящаяся.

– Ты кто? – спросил он у существа-из-сна.

– Я? – Девушка тряхнула длинными золотистыми волосами. – Я – Божественная.

– И скромная, – хмыкнул писатель.

– Прилагательное я. Божественная. Отзываюсь также на Восхитительную, Очаровательную, Светлейшую, Обворожительную, Прелестную, Обаятельную, Чарующую, – она вздохнула. – Мои сёстры со мной частичкой себя поделились.

– Хм. Надо же. А я думал, только эти умеют материализовываться...

– Вообще-то, да. Чтобы проявиться у вас, я из своего мира исчезла насовсем. А здесь так неуютно и холодно.

– А зачем же ты к нам пожаловала?

– Разве не ты меня звал? Жаловался, что из-за «неприличных» всё вдохновение пропало.

– Не то чтобы звал... Но... В общем, да, я это был. Я! А ты, – он подошёл, осторожно взял её за руки, – ты не уйдёшь?

– Так некуда мне уходить, – она печально опустила голову.

– Отлично! Ну, теперь мы им зас... Мы им покажем! А жить у меня будешь. Вот они у нас запляшут. Пока существуют такие Божественные, нам никакие хренотени не страшны!

Много чего пришлось пережить писателю и его прилагательному. Не очень-то обрадовались неприличные, ставшие в мире людей уже почти хозяевами, такой гостье. Несильно-то хавал пипл творения писателя – без ругательств да по-

хабщины, неформат-с, однако. Но не сдавались наши герои. Днём и ночью светила Божественная своему писателю. Днём и ночью творил писатель, неся вдохновение в массы. И постепенно, понемножку начало отступать злобное и похабное.

Говорят, спустя время у писателя и его Божественной даже дети родились. После пышной свадьбы, разумеется. Но это уже совсем другая история...

Имя

Ника Батхен

Имена не выбирают

Рассказ

...Пегая коротконогая корова с отвислым выменем уже лежала. Бурая тощая ещё держалась на ногах – тяжело воро-чая лобастой башкой, она пробовала дотянуться языком до кровоточащих язв на боках. Где-то за стенкой плакал телёнок.

– Вчера ещё были здоровы, – угрюмо сказал Первый-Сноп, староста Речицы и самый справный мужик в деревне.

– У меня три свиньи в язвах и у тёлок прыщи по шкуре пошли, – поддакнул Лисий-Хвост и запустил пальцы в клочкастую рыжую бороду. – У Того-Кто-Спит овцы хворают, у Волчьей-Мамы бык ослеп – забивать пришлось.

– К шептухе ходили? – для порядку спросил Первый-Сноп – и так было ясно, что бегали и не раз.

– Ходили, как же не ходить – настой змей-травы дала, хлевы чистить велела чаще, хворую скотину наособицу от здоровой водить – так они ж поутру все здоровые все в од-

ном стаде были... – запричитала вполголоса толстая Прялка-Прялка, хозяйка недужных коров.

– Того и гляди, хвороба на людей перекинется, – Первый-Сноп с отвращением почесал комариный укус на предплечье, – решать надо, сход собирать.

Лисий-Хвост обречённо вздохнул:

– И без схода всё ясно. На поклон пора до красноглазого – без него нам никак не сдюжить.

Первый-Сноп сплюнул в истоптанную солому – волшебников в Речицу не заходило последние три зимы, и никто об этом не плакал. По обычаю красноглазые являлись на зов общины и помогали сдюжить с напастями – от засухи до морового поветрия. По обычаю же в благодарность (а впрочем, и просто так) они имели право на любой срок остановиться в любом доме и забрать у общины всё, что приглянется, – от расшитого рушника или курицы до коня, сохи, безымянного малыша или отрока, ощутившего в себе Дар. Последнее было особенно дурно. Имя волшебника было ключом к власти над ним. Любой, кто знал детское имя волшебника, мог причинить ему вред – сам или выдав тайну другому красноглазому. Поэтому, войдя в силу и выучив те заклинания, из-за которых белки глаз навеки наливаются кровью, волшебники обычно возвращались к родным очагам и вырезали под корень всех, кто мог знать их имя, – родителей, братьев, товарищей по играм, а то и село или квартал целиком. Лишний раз звать красноглазых значило приманить беду – обра-

щались к ним только в крайних случаях. Но сейчас, похоже, был край...

– Пошли, сосед! – Первый-Сноп погрозил кулаком наладившейся было выть Прялке-Прялке и пинком отворил дверь хлева.

Позеленевший от времени медный колокол висел между двух могучих, в рост человека столбов, как положено, посередине Сходной площади. Первый-Сноп нагнулся, кряхтя, полез под тёмный купол и дёрнул колокол за язык. Медь тяжело загудела.

– Взываю, – голос плохо слушался старосту, он откашлялся и начал снова. – Взываю к защите Мудрых, ищу покровительства Сильных, припадаю к стопам Могучих, во имя клятвы, связавшей Цветок-Укропа и Меднорукого, прошу помощи мирным людям из Речицы.

Староста сглотнул и закончил совсем не величаво:

– Скотий мор у нас, бурёнки-кормилицы мрут, овцы, свиньи. Уж подсобите, добрые господа...

Колокол гулко бухнул. У Первого-Снопа заложило уши. Услышано. Главное, чтобы хоть один из красноглазых шлялся поблизости – запоздай помощь хоть на неделю, и спасать по хлевам будет некого.

Лисий-Хвост всё топтался неподалёку:

– Пойдём, что ли... это... за помин души опрокинем. По кружечке хоть – у меня на златоцвете настояна.

Первый-Сноп согласился нехотя – до выпивки он был не

большой любитель, но в деревне на непьющих косились – мало ли что они там себе в мыслях имеют, что добрых людей чураются.

На краю площади стояли три резных истукана – Колоса, покровителя пахоты и страды, Матёрого, владыки приплода и урожая, и Тура, хозяина стад. Первый-Сноп погрозил им кулаком – уголья от похвальных костров едва остыли, перья жертвенных кур ещё носит по улицам. Кто-то уже швырнул в Тура комком навоза так, что дрянь залепила бесстыжие зенки идола. И поделом.

Волшебник явился ещё до заката. Точнее, волшебника – костлявая страшная баба с чёрными как смоль, заплетёнными во множество косичек патлами, на концах которых брякали амулеты. Под настороженными взорами сельчан, она хищно, словно охотничья псина, пробежалась по улицам, крутила острым носом, махала руками, наконец остановилась на площади подле истуканов и начала по-собачьи рыть землю. Рыла долго, пока не добыла пучок связанных хвостами дохлых крыс. Хмыкнула, припустилась к колодцу, бесстыже разделась догола (мужики отворачивались, отплёвывались втихую), скользнула вниз по верёвке и спустя небольшое время поднялась, зажав под мышкой осклизлый пук какой-то травы. Бросила запутку наземь, щёлкнула пальцами над ведром колодезной воды (оттуда пыхнуло дымом), облилась, неторопливо оделась.

– Кто Лесоноров обидел?

Мужики промолчали, у баб скривились лица. Лесоноры – невысокий, мохнатый, нелюдимый и негостеприимный народец – жили по чашам, бортничали, собирали грибы и ягоду с топей, обменивали лесные дары на молоко, сметану и медные слитки и с людьми обычно не ссорились, но раз поссорясь мстили долго, злобно и надоедливо – как мошка. Одну пальцем раздавишь, тьма и до смерти заесть может.

– Кому мохнорылые спать помешали? Кто на чужое добро позарился? – Волшебниха неторопливо прошлась по кругу, зырякая тёмными, налитыми кровью глазами по лицам сельчан. – Или по-плохому спросить, раз доброго слова не понимаете?

Ни слова в ответ. Красноглазая сорвала с косички медный череп с оскаленными зубами, пошептала над ним и выложила на ладонь.

– Пусть каждый из вас подойдёт и сунет черепу в пасть палец. Безвинного мой дружок не обидит, а тому, кто всю общину под напасть подвёл, ядовитым зубом всю кровь испортит. Подходи, ну!

Сказать, что Первый-Сноп хотел тыкать перстом в оскаленные медные зубы, было бы жесточайшей ложью. Староста трусил. Но точно знал – он Лесоноров пальцем не трогал, а злить красноглазых – себе дороже. Топнув правой ногой оземь – от зла – Первый-Сноп вышел вперёд и поднёс дрожащую руку к черепу.

– Невиновен, – спокойно сказала волшебниха. – Дальше.

– Эй, что встали, как девки на смотринах?! Подходи давай, раз госпожа волшебника приказала! – рывкнул Первый-Сноп и за рукав выволок из рядов Волчью-Маму.

Староста знал наверняка, что дебелая и щедрая на любовь бабёнка за последние две седмицы надолго из деревни не отлучалась. Он почти силой сунул руку женщины в пасть черепа.

– Невиновна.

Крестьяне чуть осмелели. Поочерёдно – кто медленными шажками, кто залихватски топая – выходили в круг, тыкали пальцем в череп и возвращались, расплываясь в улыбках. Оставалось уже немного – с полдесятка мнущихся мужиков и баб – каждый из них, похоже, чуял вину перед Лесонорами, но признаваться в ней не хотел. Волшебника двинулась было в их сторону, и тут Пёстрый-Пёс, молодой, ещё неженатый парень, выскочил вперёд и бухнулся красноглазой в ноги.

– Я, я виноват! Не карай, госпожа, смертью!

– Рассказывай! – Волшебника нависла над парнем, как стервятник над стервом. – Убил кого? Снасильничал? Обокрал?

– Пчёл потравил. В лесу борть нашёл – уж до того богатую... Сунулся – а меня ихние пчёлы за все места покусали. Я до дому сгонял, дымовуху прихватил и назад. Пчёл-то выкурил, борть уволок, мёд слил, а вокруг медвежьей лапой следов наставил – думал, никто не узнает...

– Думать твоему отцу надо было, когда тебя делал, и мате-

ри, когда, родив, пуповиной дурака такого на месте не придушила. Почём у вас нынче борть?

– Живая, с пчёлами – шесть овец, – пробурчал Первый-Сноп.

– Не слышу, – прищурилась волшебница.

– Шесть овец, госпожа.

– Пусть этот гнилоед дюжину овец Лесонорам представит, да в ножки падёт – авось помилуют. Радуйтесь, что не убил никого, – овцами бы не отделались, – сердито сказала волшебница и прицепила череп на прежнее место (амулеты на косичках громко звякнули). – Гоните сюда скотину, лечить буду.

– Помилуй, госпожа, у нас с матушкой всего пять овец! – Пёстрый-Пёс всё ещё стоял на коленях.

– Займи. Продай. Заработай. Твоё дело, – отрезала волшебница.

Первый-Сноп подал знак, и Лисий-Хвост на пару с Кривым-Ручьём под белы руки уволокли парня прочь, от греха подальше. Остальные побежали выгонять и выволакивать из хлевов коров, овец, свиней и драгоценных длинношёрстных козочек. На маленькой площади поднялся невообразимый гвалт, в довершение всего начал накрапывать мелкий, уже почти что осенний дождик. Красноглазая с бесстрастным лицом брала животных за морды, вдувала им в глаза и ноздри какой-то дымящийся порошок, вручала хозяину пучок сухих листьев для язв и, не слушая благодарностей, пе-

реходила дальше. Крестьяне мрачно ждали – чего затребует благодетельница, что её душеньке будет угодно. Кое-кто под шумок толкал локтями баб, чтобы детей с площади уводили. Но, вопреки обычаю, волшебница не затребовала ничего. Чмокнула в нос последнюю козочку, подхватила кутуль со своими бебехами, вскинула на спину... и вдруг шкодно ухмыльнулась, необыкновенно от этого помолодев. Красные глаза озорно блеснули, волшебница хлопнула в ладоши – и вместо капель дождя на деревню посыпались... бабочки. Белокрылые и голубоватые, пахнущие весенними цветами и свежими яблоками, они порхали, кружились в воздухе, садились на волосы и одежду и шерсть животных, а затем таяли без следа. Пока крестьяне раскрыв глаза, пятались на невиданное диво, волшебница исчезла. Или, скорее всего, скрылась в лесочке. Последние бабочки закружились чудесным венком в воздухе и пропали. И вдруг раздался звонкий голос ребёнка:

– Мама, смотри, я тоже так могу!

Отрок лет семи выскользнул из толпы, хлопнул в ладоши. Одинокая бабочка, большая и пёстрая как курица, медленно села ему на голову. Крестьяне обмерли. Раздался страшный женский крик, на площадь выбежала безвестная батрачка, недавно прибившаяся к Речице и бравшаяся за любую работу ради хлеба и крова. Ухватив сына за руку, она попробовала втащить его назад, но гудящая, словно улей, толпа уже сомкнулась. Мужики начали доставать ножи и пастушья

дубинки, женщины развязывали тяжёлые пояса с медными пряжками. Батрачка ссутулилась, ощерилась словно рысь и тоже добыла короткий, необычно тёмный клинок. Окаянный мальчишка даже не разревелся – он единственный, похоже, не понимал, что его ждёт...

Первый-Сноп был бы плохим старостой, если бы не поспевал вовремя. Он точно знал – пролитая без суда кровь добром для общины не обернётся. О ледяной деревне, откуда в лютый мороз камнями прогнали сиротку-бродяжку, ходили слухи по всему краю. А кому делать нечего было, могли и ногами сходить проверить в верховья, за Сальную горку – дома стоят один к одному, коровы, петухи, псы – и всё-всё инеем тронуто.

– Стоять! – зычно гаркнул староста и ворвался в круг. – За что людей жизни лишить хотите?! Что за вина на них?

– Волшебник пацан. Вшей поди не научился давить, а туда же, – подбоченясь, фыркнула Прялка-Прялка. – Мы его не убьём – он нас погубит, а не нас – так наших детушек.

– Так ли, братие?

– Так, так! – пронеслось над толпой.

– Расступись, – скомандовал староста. – Судить будем. Думать будем.

Вездесущий Лисий-Хвост тотчас приволок из ближайшей избы уголёк и раздул огонь, какая-то баба поставила рядом чашу воды и туесок масла, а маленький медный самородок Первый-Сноп и так постоянно носил на шее. Маслом старо-

ста вымазал рты истуканам, над огнём и водой поклялся судить по чести, медью запечатал уста для всякой лжи. Батрачка стояла, одной рукой прижимая к себе ребёнка, другой поводя остриём клинка в сторону любого, кто случайно подходил ближе.

– Что можешь сказать в своё оправдание ты, женщина?

– Отпусти нас – мы не можем причинить никому зла, – огромные глаза батрачки переполняло отчаяние. – Я знаю, что мой сын вырастет и станет волшебником. Пока он мал, я вожу его с собой, брожу с места на место и никто, кроме меня, не знает, как его зовут.

Первый-Сноп почесал в затылке. Коли так – можно и вправду отпустить восвояси. Пусть их волки с медведями судят, а наше дело сторона.

– Иди сюда, не бойся! – Староста высоко поднял мальчишку, чтобы каждый мог его видеть. – Знает ли кто-нибудь в Речице, как его звать?

Молчание царило на площади. «Вот и славно, одной бедой меньше», – подумал Первый-Сноп.

– Коли так, пусть ухо...

– Я знаю! – Белокурая пухлая девочка лет шести отцепилась от материнской юбки и громко-громко, так, что все слышали, крикнула: – Он Витуль, мой друг Витуль!

Это был конец. Сообразив что-то, мальчик дёрнулся и заревел, толпа молча сомкнула плечи, батрачка взмахнула клинком – и бессильно опустила руки.

– Стоять! – гаркнул Первый-Сноп. – Без суда в Речице конокрадов и то не казнят. Как решим, братие, так и будет, милосердно и по-людски. Кто-нибудь что-нибудь может сказать в защиту отрока?

– Я скажу! – Из дальнего ряда протолкнулась вперёд шептуха. – Не обязательно лишать отрока жизни.

– Все вы в сговоре – что шептуны, что волшебники! Смерть! – заблажила было Прялка-Прялка, но Тот-Кто-Спит запечатал ей рот мощной оплеухой – молчи, баба, когда дело решают.

– Смотрите все, – выйдя в круг, шептуха подняла ладони – все пальцы кроме большого на них были обрублены. – Я тоже родилась с Даром. И никого не убила и волшебницей тоже не стала. Отец приказал – и меня урезали, чтобы я осталась жива, но не могла творить заклинания и причинять зло. Дар нашёл себе выход, я помогаю людям, лечу скотину. Оставьте ребёнку жизнь.

– И что можно... урезать? – замялся староста.

– Глаза – чтобы не видеть заклинания. Язык – чтобы их не произносить. Пальцы – чтобы нечем было сплести волшеббу. Мальчикам – ятра, чтобы сила не возрастала.

– И помогает?

Шептуха зло оскалилась:

– Не помогло бы, точно б отца живота решила за то, что он со мной сделал. А так он у себя в Холмищах жив-здрав, я у вас в Речице коров пользую.

– Верим ей, братие? – обратился Первый-Сноп к сходу.

Рокот толпы одобрил. Люди в Речице были, в общем, не злые, зря кровь проливать не любили, особенно если первый гнев втуне схлынул.

– Вот моё решение, – староста бросил чашу с водой в костерок и подождал, пока перестанет шипеть. – Отрока – урезать и изгнать прочь вместе с матерью, как на ноги подняться сможет. Если вдруг отрок вернётся убивать тех, кто узнал его имя, – кровь лежит на шептухе, она прикрыла. Согласны, братие?

– Согласны, – люди, похоже, остались довольны. И зла избегли, и от напасти уклонились, и кровь на них не лежит.

– А ты что скажешь, женщина? Урежем твоего сына или его сейчас убьют?

Первый-Сноп опустил глаза – такая страшная ярость сияла во взгляде матери.

– Урежем. Пальцы.

Шептуха, ловко орудуя изуродованными ладонями, добыла из кутуля глиняный пузырёк и щедро напоила мальчишку маковым соком. Кузнец Болотная-Ржавь раскалил нож, чтобы было чем прижигать раны... Первый-Сноп исподлобья смотрел на батрачку – губы женщины шевелились, можно было прочесть – она повторяла раз за разом «Будьте прокляты, будьте вы прокляты». Может, зря он их защитил? Но содеянного уже не вернёшь.

...Бесчувственного ребёнка вместе с матерью шептуха за-

брала к себе в отшибную избу. Мор прекратился. Через три дня на рассвете искалеченный батрачонок с матерью ушли из Речицы, чтобы никогда больше здесь не появляться.

До весны Первый-Сноп чутко следил за любым непорядком в деревне, карал любую провинность против обычаев, чин чином кормил и ублажал истуканов, жёг костры и сыпал в огонь медную стружку. Он ждал беды. А вышла радость – зима прошла ровной, в меру морозной, в меру выюжной, всходы весной поднялись густо, коровы и овцы расплодились на диво. И самое главное – Суровая-Нитка, жена старосты, разродилась близнецами, оба мальчишки и оба выжили. До этого трое малышей у старосты перемерло, не дожив до месяца, а тут разом двойное счастье. И по осени урожай удался – сам-десять. Покрутил чутким носом Первый-Сноп, почесал в затылке – да и думать забыл о батрачке и её блажи. Глядишь, обошлось, ладно сделали, что невинная кровь не легла на общину.

Вёсны шли своей чередой – где-то скудный год выдавался, где-то обильный, случалось хлеб с лебедой пекли, случалось мясом – не потрохами – собак кормили. Дети в семьях рождались крепкими – и на удивление выживали чаще обычного. Никаких особенных бед не стряслось и волшебников больше не звали.

Шесть вёсен минуло. Наступила седьмая – тёплая, ласковая. Оглядывая зеленеющие поля, Первый-Сноп с удовольствием думал – какой пир он задаст по осени, в день наре-

чения сыновей. У старосты по лавкам сидело уже четверо, и Суровая-Нитка снова была брюхата, нечего и бояться, что род уйдёт в землю, не оставив ростков. Старшие мальчишки удались на диво – белокурые в мать, смышлёные, крепкие, работающие и послушные. Староста баловал их, покупал гостинчики, не порол без нужды и даже резал для них игрушки. Вот и сейчас в кармане у Первого-Снопа лежала забавка – два медведя с молоточками на доске. Он прошёлся по улице, выискивая сыновей – пусто. Не иначе у ручья с детворой играют. И правда – с окраины слышались смех и звонкие голоса.

Все мальчишки Речицы в своё время пускали в ручейке лодочки, строили запруды, а умельцы – даже мельницу с колесом, это было любимое место для игр. Первый-Сноп улыбнулся, вспомнив, как сам возился в этой грязи, и как мать ругала его за испачканные одёжки. Он тихонько подкрался к детям, издали приметив две курчавые светлые головы. Мальчишки беззаботно играли. Гоняли лодочки с парусами из лоскутов. По воздуху над ручьём. Малыши азартно кричали, хлопали в ладоши, свистели, девчонки пищали и ойкали, приблудившийся пёс весело лаял. Вот одна лодочка не удержалась и плюхнулась в воду, её владелец, понутив голову, отошёл в сторонку. Вот ещё одна перевернулась. Толстощёкая пятилетка, безотчая дочь Волчьей-Мамы (Первый-Сноп подозревал, что имеет к ней отношение, и тишком таскал матери то медку, то зерна) подняла свою лодочку вверх до

ветвей берёзки, закричала «Смотрите, у меня выше всех!» – и умолкла, первой разглядев сурового старосту.

– Что вы здесь делаете? – Первый-Сноп говорил тихо, даже ласково, только его сыновья поняли, что отец сильно зол.

– Мы играем, – улыбнулся щербатым ртом рыжеволосый сын Лисьего-Хвоста.

– В летучие лодочки, – подхватила дочка Волчьей-Мамы, – кто ловчей с ними управится.

– И кто из вас ловчей? – вкрадчиво поинтересовался Первый-Сноп.

– Сегодня я и вчера я, – гордо задрала нос девчонка. – А надясь он!

Чумазый палец дурёхи ткнул в сторону младшего из близнецов.

– А во что вы ещё играете? Ну... в такое... – замялся староста.

– Куколок из соломы танцевать учим! Огонь разжигаем! Секретики делаем! Яблоки с дерева достаём! – наперебой загомонили малыши.

– А ты во что играешь? – Первый-Сноп тяжело посмотрел на старшего (и любимого) из сыновей.

– Ни во что, – потупился мальчик. – Я не умею. На мгновение у Первого-Снопа отлегло от сердца.

– Он совсем не играет с нами, – подтвердил младший из близнецов. – Он только комаров и слепней отгоняет.

– Ветками? – безнадежно спросил староста.

– Нет, просто. Я на них смотрю, и они улетают. Вот так, – мальчик скорчил зверскую рожу, и пролетавшую мимо зелёную стрекозу как ветром сдуло.

– Хорошо. Дети, ступайте по домам, все. Скажете мамам-папам, во что играли, да накажете, чтобы ввечеру ко мне в хату явились, все до одного.

– Нас накажут? За что? – удивился чей-то смешной чернобровый малец.

– Не знаю, – отрезал Первый-Сноп. – Пошли!

Он взял за руки сыновей и направился к дому. Теперь многое стало понятней – почему два вполне справных рода по осени отдали своих пятилеток в приймаки к дальним родичам, семья Кущи-Леса переселилась на отдалённый хутор, а вдовая Козья-Пряжа оставила невесть от кого прижитого годовичка шептухе, а сама удавилась в коровнике. И лица у соседей бывали невесть с чего хмурыми, и, случалось, двух-трёхлетних безымянных детишек матери от себя ни на полшага не отпускали. Вот оно, значитца, как...

Тёплые ладошки сыновей покорно сжимали руки старосты. Дети шли рядом доверчиво и спокойно, они видели, что отец сердит, но не ждали беды и вины за собой не чуяли. Мало ли – горшок в сенях разбили или кошке к хвосту колокольчик привязали. Покричит отец, погневаётся и простит. Он их любит. А Первый-Сноп вспоминал бешеные глаза безвестной батрачки и крик ребёнка. Глаза? Язык? Пальцы? Ятра? Прокляла всё-таки стерва лютая, а ведь он ей с дитём

жизнь спас.

Дома староста, придравшись к пустяку, посадил одного сына щипать лучину, а другого – чесать козью шерсть, строго-настрого наказав до рассвета из дома нос не совать. Потом выпил подряд две кружки горького пива, рывкнул на удивлённую донельзя жену и уселся за стол – щёлкать орехи и смотреть, как возятся на полу младшие дети – трёхлетка сын с годовашкой дочкой. У малышки откатился к печи тряпочный мячик. Она свела бровки и взглядом подкатила игрушку назад, звонко смеясь при этом. Суровая-Нитка заметила, куда смотрит Первый-Сноп, и побледнела, как полотно. Староста понял – она знает. Знает давно, но боится говорить с мужем.

Первый-Сноп ласково подозвал детей, отдал им все орехи, погладил по тёплым головёнкам и вышел вон. Подумать только – его сын, добрый и славный мальчик, однажды объявится, чтобы его убить. И мать. И сестру... или братья лишат живота друг друга. Даже если объяснить им, как важно хранить в тайне свои имена, они явятся за кровью своих воспитанников. И что будет с деревней, в которой все дети рождаются с даром? Может, красноглазые снимут проклятье? Может и наоборот, будут беречь и хранить общину – а детей забирать к себе.

Звонить в колокол, чтоб звать волшебника, Первый-Сноп не хотел. Он пока что не знал, как ему поступить. Сход собрать дело ладное, только вряд ли кто разумеет в этом деле

больше... Шептуха! С её-то приёмышем тоже неладно.

Густо пахнувшая травами и смолой отшибная изба шептухи встретила незваного гостя прохладой. Первый-Сноп всегда удивлялся – в жару здесь свежо, в холод – жарко. Не зря же у хозяйки тоже был дар – пусть и урезанный. Старосту ждали. Шептуха метнула на стол нехитрых заедок, пододвинула гостю чашу слабого мёда и села напротив, совсем побабьи подперев подбородок изуродованной рукой. Приёмыш по-сыновьи доверчиво прижался к ней – Первый-Сноп узнал бойкого чернобрового малыша.

– Бывает, что после наречения имени дар тотчас усыхает, а к первой крови или первым волоскам над губой исчезает вовсе. Поэтому и не трогают деток до срока – ждут, авось пронесёт. Говорят, ещё есть волшебники, что умеют дар себе забирать – наматывают, как нитку на веретено, пока не вытянут весь, но это опасно – случается, и с ума сходят дети и умирают, – поняв, что староста выжидает, шептуха начала разговор первой.

– А бывает, что один подросший волшебничек всю деревню, а то и город разносит в прах. А у нас их... – вспылил Первый-Сноп.

– Каждый безымянный младше семи лет, – шептуха подтвердила худшие опасения старосты. – Хотя нет, вру – немая дочка Второй-Овцы и припадочный сын Того-Кто-Спит – ничего не могут. И Карий-Глаз, дочь Пёстро-Пса и Новой-Кудели – она подцепила болотную лихоманку, дар ушёл,

когда её жаром сморило, отец с матерью дали дочке молочное имя, чтобы смерть обмануть, – и спасли.

– Если дать им имена раньше срока, это поможет? – спросил староста.

– Сомневаюсь, – покачала головой шептуха. – Скорее послать в болота за ягодой и надеяться, что принесут лихоманку... так от неё половина недужных мрёт.

– А у тебя у самой есть имя? – неожиданно поинтересовался Первый-Сноп.

– Есть. Только я его никому не скажу.

– А сказать – что такое имена – можешь? – Первый-Сноп поднялся из-за стола. – Я заплачу, ты не думай...

Шептуха тоже встала – нелепая, грузная в своём бесформенном балахоне цвета вялой травы.

– Я знаю мало – крохи, подобранные в траве. Имя это всё. Имя «хлеб» – ход сохи, шелест колоса, удар серпа, скрежет мельничных жерновов, руки стряпухи, вода ручья, горная соль, берёзовые поленья, белый рушник, на который выкладывают каравай. Имя «огонь» – малая искра, пламя лучины, лесной пожар, костёр охотников, жар печи... Понимаешь?

– Нет, – искренне ответил Первый-Сноп.

– Имя – суть. Всё, что значит предмет, всё, что рядом, всё могущество и вся слабость. Вникнув в имя огня, можно повелевать любым пламенем, вникнув в имя зверя, – призывать и покорять его. Зная имя волшебника, можно дотянуться до его силы, остановить сердце, связать разум, принудить

служить, добровольно и верно. Чтобы волхвовать, волшебник вынужден открываться, чувствовать каждый луч, каждую травинку – поэтому им особенно легко завладеть. У них нет выбора – или все, кто знает их имена, будут мертвы, или сам красноглазый до конца дней рискует жить, как пёс на цепи. Поэтому все, кто выходит из башен, приносят клятву – убить... – Голос шептухи прервался от подступивших слёз.

Первый-Сноп задумчиво хмыкнул:

– Погоди-ка... покажи мне, как зовут зверя?

Шептуха всхлипнула и успокоилась.

– Я почти ничего не умею. И почти ничего не могу.

– А что можешь?

– Я попробую. Пойдём.

Они вдвоём вышли на порог отшибной избы. Знаком велев старосте остаться на месте, шептуха шагнула на середину двора, закрыла глаза, закружилась на месте, потом застыла, подняв вверх изуродованную правую руку.

– Яан! Яан! – высоким, воркующим голосом позвала она. – Приди, Яан!

Пёстрый, взъерошенный воробей спорхнул с крыши, сел на палец шептухе, потоптался недолго, тюкнул клювом по ногтю и улетел. Шептуха села на землю, красное лицо её было покрыто каплями пота.

– Видишь? Это тяжело, если б зверь был крупней или дальше, я могла надорваться, лишиться чувств или жизни. По счастью я не знаю других имён.

– А когда ты зовёшь воробья, ты знаешь, кто из них прилетит? – Первый-Сноп задумчиво пропустил сквозь кулак бороду.

– Откуда мне знать? Я зову воробья, прилетает воробей. Если б мне нужен был не просто воробей, а тот, который живёт у меня в застрехе, – я бы дала ему имя, – шептуха отёрла лоб и с трудом поднялась, её шатало.

– А власть у тебя над ним есть? – Первый-Сноп помог женщине вернуться в избу и усадил на лавку, какая-то мысль занимала его. – Ты его позвала, он тебе служить будет?

– Нет. Чтобы покорить зверя или птицу, нужно знать его собственное имя, имя его породы и собрать в волховство все нужные имена власти. А именем «яан» я просто зову – как ты зовёшь красноглазых, говоря в колокол.

Сняв с руки тяжёлый медный браслет, Первый-Сноп с поклоном положил дар к ногам шептухи.

– Благодарствую за совет. Приходи ввечеру на сход – думать будем.

Шептуха устало улыбнулась и кивнула старосте «будем». Скрипнула дверь.

...По счастью вечер выдался ясным и тёплым, и получилось разместить гостей во дворе – на совет к старосте собралось пол-деревни. Пришли все, у кого были малые дети, все старшие в роду, кузнец, повитуха, шептуха и пастуший батка. Не пустили неженатых, приймаков, батраков и голытьбу перекатную – свои дела, мол, сами решим. Когда гости кое-

как расселись и сторожевой пёс умолк, поняв, что чужие во дворе – неизбежное зло, Первый-Сноп самолично обнёс гостей мёдом. Он хотел начать речь, как водится, издалека, но не успел. Бычья-Шкура, богатый хозяин и давний враг старосты, вскочил на услужливо подставленную колоду.

– Доколе? Доколе, братие, будем терпеть напасти?! Вдоль домов не пройти – грязь непролазная, где деревья, что мы для мостков рубили? Лесоноры обнаглели вконец – по браслету за корчагу мёда требуют, а на ярмарке за неё и двух не дадут. Господаревы люди пришли, десять овец забрали, трёх стригунков, шерсти куль – что, у старосты?! Нет, у нас, братие, у простых. И Матёрый-батюшка на площади не столбом стоит – покосился, к беде!

– Так его ж надысь парни толкнули, когда на кулачках сошлись. Твой старшой, Крепкий-Мёд как зайчище оттуда бежал, и племяшу твоему Медной-Лапе морду расквасили, – сочувственно заметил Лисий-Хвост.

– Неважно, – отмахнулся Бычья-Шкура, – беда-то всё равно уже есть. По всем прошлась, братие, никого стороной не миновала. Сами знаете уже, детки у нас у всех родились порченые, хоть пори их, хоть голодом мори. Придёт срок – и уйдут они все до единого к клятым волшебникам, оставят деревню без работников, поля без пахарей, стадо без пастухов, нас без помощи на старости лет... А потом вернутся, красноглазые да свирепые – к нам, братие, в наши хаты – и пережгут глотки родителям да дядьям. Все умрём, братие, все

умрём ни за коровий хвост...

Толпа загомонила, бабы всхлипывали, кое-кто уже наладился выть в голос. Бычья-Шкура отхлебнул мёду, набрал воздуха в лёгкие и продолжил:

– Всех до единого детушек наших кровных либо калечить, либо красноглазым отдать, пока безымянные, в ножки пасть – может, смилуются, избавят нас от напасти. А виноват во всём – он!!!

Бычья-Шкура ткнул толстым пальцем в сторону старосты.

– Он, братие, волшебнёнка привадил, заразу в деревню привёл и убить паршивца не дал. Порешили бы пришлых, косточки в речку скинули – и не было б никакой напасти, росли бы наши детушки отцам-матерям на радость! Верно ли говорю, братие?

Несколько голосов «Верно!», «Любо!» потонули в смутном гуле.

– Так вот что я скажу, братие! Снять с Первого-Снопа шапку да прогнать его по улицам батогами. А потом судить всем сходом за беду, что он нам причинил. И шептуху, что пашенка прикрыла, – судить, она кровью клялась ответить. И ещё...

– А не ты ли, радетель о благе простого люда, родню Чёрной-Вишни по миру пустил за долги? А не ты ли запаленную кобылу втридорога Ясну-Месяцу продал, а кобыла через три дня сдохла? А не у тебя ли в доме старуха-мать из окна стучит, у людей хлеба просит? – Первый-Сноп неторопливо

поднялся.

– Матушка моя, пусть живёт до ста лет, в детство впала – сколько её ни корми, всё съест и ещё захочет. Кобыла у Ясна-Месяца дурной травы наелась – нету моей вины. А что до Чёрной-Вишни – ужели ты бы долги простил? Может, и кормить бы чужих детей взялся, пока свои под лавками хлеба ищут? – от возмущения Бычья-Шкура пошатнулся и плюхнулся вместе с колодой. Раздался обидный смех.

– Ишь раскудахтался, а с насеста-то падаешь, – спокойно сказал Первый-Сноп. – А теперь ответь – знаешь ли ты, как нашим деткам помочь?!

– Волшебника позвать, в ноженьки ему пасть, пусть беду остановит, – Бычья-Шкура кое-как встал.

– Чтобы чужие опять нашу жизнь по-своему перерешали? Думаешь им, красноглазым, не выгодно, чтобы не одно дитя в две дюжины лет, а две дюжины в год с даром рождалось? Легко свою ношу да на чужие плечи-то перевесить. Вот ты, Бычья-Шкура, – ты сам знаешь, как помочь детям?! – Первый-Сноп презрительно посмотрел на врага. – Нет? А я знаю. Эй, шептуха, зови воробья. А вы тихо. Все тихо!

Под тяжёлыми взглядами соседей шептуха вышла к забору, покружилась и стала звать «Яан! Янна!». Первый-Сноп уже думал, что дело не выйдет, но, наконец, тощая воробышка на мгновение зависла над изуродованной ладонью.

– Слушайте, братие! Имя у человека как складывается? Молочное имя, взрослое, прозвище, кого-то по мужу зовут

или по ремеслу. Получается, что вот он я, Первый-Сноп по молочному имени Цепкий-Репей и другого такого на свете не будет. Имя даёт власть над человеком. Волшебник убивает всех, кто знал его имя, чтобы ни у кого не осталось к нему ключей, – Первый-Сноп поперхнулся и закашлялся.

– И что же? – поинтересовался Лисий-Хвост, поняв что старый друг что-то задумал. – Ключи в воду бросать?

– Похоже на то, – Первый-Сноп улыбнулся одними глазами. – Вот шептуха зовёт воробья «Яан» и прилетает воробей. А воробьёв таких тьма. И если я назову сына «Яан», он станет волшебником, и другой волшебник, захотев навредить ему, позовёт «Яан» – прилетит воробей, а не мой сын. Верно я говорю?

– Верно, староста, – подтвердила изумлённая шептуха.

– Верно придумал, – прогудел из своего угла могучий пас-туший батяка. – Когда я зову овцу «ярка» – ко мне подходит любая овца.

– Значит, нынче же нужно, ни на день не откладывая, всех безымянных детей в деревне поименовать. Чтобы никто им вреда причинить не мог, и они нам после не навредили. А ещё у поименованных дар и усохнуть может, как пух с птенцов слазит. Согласны, братие?!

– Любо! Любо! – загудела толпа. Кое-где в голос заплакали бабы, кто-то уже наладился к выходу.

– Стойте! Послушайте! – Шептуха раскинула руки, словно пытаясь обнять всю деревню. – Я буду восприемницей ва-

шим детям – только я смогу точно сказать имя, чтобы оно запечатлелось. Я спасу их от проклятия дара... с одним условием.

– Что ты хочешь? – насторожился староста.

– Пусть все дети, получившие имя из моих рук, – или родители вместо них – поклянутся никогда не калечить и не лишать жизни тех, кто равен им разумом. Любо?

Молчание повисло как грозовая туча. Первый-Сноп понял, что пора вмешиваться.

– Любо! Пусть господаревы слуги врагов жизни лишают, а нам, добрым людям, незачем.

– Верно! Правильно! – подхватил Лисий-Хвост.

– Любо! – разнеслись голоса.

Лишь упрямый Бычья-Шкура попробовал возразить, но его уже никто не слушал. Народ спешил по домам готовиться к наречению. Застучали молоточки в кузнице – Болотная-Ржавь с подмастерьями спешно ковали полсотни солнечных оберегов. Забегали бабы, второпях собирая угощение для праздничного пира. Холостые парни собирали костры на берегу Быстрой-Речицы, простоволосые девки плели венки. Наконец, к рассвету всё было готово.

Умытых, одетых в белые рубахи детей собрали на берегу, туда же пришла вся деревня. Старухи затянули нескончаемую хвалу солнцу. Первый-Сноп разжёг костры живым огнём, хранимым с прошлого солнцеворота. Потом взял за руку старшего сына и повёл посолонь между двух огней. Шеп-

туха, тоже в белом, с венком на распущенных пышных полуседых кудрях, ждала у самой воды. Она приняла мальчика на руки, как новорожденного, спросила у него что-то шёпотом – сын кивнул.

– Знает ли кто, как зовут этого человека? Знает ли его мать? Знают ли его братья?

– Нет! – единым духом ответили люди.

Шептуха с ребёнком вошла в воду по грудь, присела, чтобы мальчик полностью окунулся. В наползающих клочьях тумана на мгновение показалось, что оба исчезли... Нет – женщина с ребёнком уже выходила назад. Она взяла из рук отца медную солнышку на шнурке, надела мальчику на шею и высоко подняла его – к небу.

– Яан! Слышите, братие, этого человека зовут Яан!

Люди восторженно закричали. Две девушки поднесли мальчику венок и за руки повели его назад – к общине, братом из братьев которой он нынче стал. А шептуха уже несла в воду толстощёкую девочку.

– Янна! Слышите, братие, этого человека зовут Янна!

Из прибрежных кустов ивняка дружным хором зачирикали воробьи. Первый робкий луч солнца осторожно коснулся речной волны. Проклятие спало...

* * *

Старый Яан, основатель и первый наставник ордена Во-

робья, был младшим сыном речичского старосты, простым крестьянином, изучившим мудрость земли и глины, текучей воды и древесных корней. С десятью братьями и четырьмя сёстрами из той же малой деревни они поставили башню на Хлебной горе, преуспели в искусствах, науках и понимании сути имён. Они посвящали дни и годы защитам, исцелениям, строительству и восстановлению утраченного. Старый Яан написал в первой строке устава: *я, воробей из воробьёв, клянусь никогда не калечить и не лишать жизни тех, кто равен мне разумом.* Он же приказал не разлучать будущих волшебников с семьями, разрешать им видаться и общаться – пусть люди знают, волшебник это не кровожадное чудище, а всё тот же брат, сын и друг...

«Воробьиная правда», искусство обходить запреты и клятвы, менять суть, не искажая формы, появилось при Яане третьем по счёту, он поставил господарю Приштины тюрьму, из которой не мог выбраться ни один заключённый – и был смещён своими же братьями. Впрочем, и после него среди Воробьёв попадались хищники, за смиренным обликом скрывшие свирепую суть. Они заключали девиц в башни, подчиняли себе властителей, изготавливали зелья и амулеты... в то время как их мирные братья исцеляли, защищали и наставляли. Во многом можно упрекнуть Воробьёв – но обета своего ордена ни один из них ни разу не нарушал. Как Искры со дня посвящения и до смерти каждый день ходили по раскалённым углям, как Подорожники больше семи дней кря-

ду не проводили на одном месте, как Волки ели сырое мясо... Самое главное совершилось в тот день, когда безвестная шептуха окунула в воду мальчишку.

Чтобы стать настоящим волшебником, больше не нужно убивать тех, кто дорог. Тех, кто знает, как тебя зовут.

*Магистр ордена Воробья, Янна, двенадцатая по счёту.
«История волшебства».*

Язык

Эли Бар-Яалом Полтора бодуэна в секунду *Рассказ*

1

...Исходя из описанных экспериментов, мы можем считать доказанным следующее:

а) субъективные ощущения, которые в человеческом сознании описываются по шкале «добро-зло», присутствуют в нервной системе любого организма, вне зависимости от уровня развития;

б) эти ощущения имеют физическую природу и происходят от взаимодействия нервных волокон с открытым нами полем, которое предложено называть этическим полем;

в) существует явное соответствие между эмпирическими формулами (15), (16), (18), описывающими поведение биоматерии в этическом поле, и общеизвестными законами Био-Савара-Лапласа, Ампера и Гаусса; таким образом, можно предположить более широкую аналогию между этическим

полем и магнитным;

г) вокруг Земли существует сильное этическое поле. Один из этических полюсов локализован приблизительно под $31^{\circ} 47'$ северной широты, $35^{\circ} 13'$ восточной долготы (с точностью ± 2 минуты). Местонахождение второго полюса и точная природа этического поля Земли пока не установлены.

На основании этих выводов мы надеемся, что Академия наук выделит дополнительные...

2

– Готово. Лёня, матерись!

Барбышев встал перед измерителем и с выражением произнёс:

– ...й!

«Пи-и-ип!» – сказал прибор. Стрелка на экране компьютера подскочила на пять делений с небольшим. Деления не имели никакого значения – единицу измерения они с Нателлой ещё не придумали.

– Готово, – сказала Нателла. – Теперь про себя.

Через полминуты Барбышев смущённо спросил:

– По нулям?

– По нулям. А ты как про себя ругался?

– Ну... представил. Картинку.

– Какую картинку?

– Ну... стоит, розовый такой...

Нателла поперхнулась.

– Розовый, говоришь? Я тебя должна учить, да? Фаллос и ...й – два разных предмета. Попробуй сказать это с таким же выражением, но про себя. Давай!

«...й!» – подумал Барбышев. «Пи-и-ип!» – ответил прибор.

3

Эксперимент проводился на протяжении 10 недель в 11 точках земного шара. Участвовали 52 добровольца с 6 родными языками. Результаты эксперимента приведены в таблицах 10.1-10.17. Выводы:

а) произнесение слов, приведённых в таблице 10.2 в международной фонетической транскрипции – слов, в обиходе называемых «русским матом», – приводит к однозначным возмущениям этического поля Земли. Это возмущение легко обнаруживается прибором, схема которого приводится на рис. 10.1; мы назвали этот прибор эсхрометром (от греческого *ασχρος* – ругательный, вульгарный). В дальнейшем мы будем называть возникающее возмущение «эсхрометрический эффект», сокращённо ЭЭ;

б) обнаружена логарифмическая зависимость длительности и интенсивности эсхрометрического эффекта от количества людей, услышавших матерное слово. В случае хорового произнесения матерного слова группой людей обнаруже-

на линейная зависимость интенсивности возмущения от количества произносивших; длительность возмущения в таком случае не меняется;

в) не обнаружено зависимости ЭЭ от точки земного шара, где произносилось матерное слово, и от времени суток или года;

г) если человек, произнесший матерное слово, не знает о его матерном значении (проводились эксперименты с носителями китайского, арабского, испанского и венгерского языков), он не влияет на возникновение ЭЭ. Тем не менее, если слово, произнесённое им, услышано и понято присутствующими как матерное, эффект возникает;

д) слушатель, не знающий о матерном значении произнесимого слова, влияет на силу эффекта так же, как знающий слушатель.

Примечание: возможно, здесь играет роль вторичный психологический эффект, когда слушатель догадывается о значении слова по интонации произносящего и по реакции других слушателей. Мы планируем проверить это предположение будущими экспериментами;

е) при произнесении ненормативной лексики других языков (проверялось на материале арабского, венгерского и испанского – см. табл. 10.15) также обнаруживается ЭЭ; при этом...

Участвуют: Барбышев, Нателла, эсхрометр.

Барбышев: У-уф-ф! Наконец-то все ушли.

Нателла: Ага! Достали жутко. Особенно этот ...дак в шапке.

Эсхрометр: Пи-и-ип!

Барбышев: Угу, меня тоже он укатал.

Нателла: Я не выдержала, обматерила его про себя...

Эсхрометр: Пи-и-ип!

Нателла:...именно. На сто двадцать четвёртой минуте, кстати, запиши, откорректируешь показания, а то наверняка записалось.

Барбышев: Сто двадцать четвё... записал. Откорректирую, если не сдохну.

Нателла: Не сдохнешь, не надейся. Слушай, Лёнь, а тебя в честь города назвали?

Барбышев: Да нет, просто был такой писатель, Лион Фейхтва...

Нателла: Обижаешь, да? Я его в детстве километрами читала.

Барбышев: Нравилось?

Нателла: Ну, местами очень. Но, самое главное, я твёрдо знала, что еврейская девушка, которая не читала Фейхтвангера, – это чёрт знает что.

Барбышев: Ты еврейка? А я думал, ты грузинка.

Нателла: Я грузинская еврейка. По папе. Мама донская казачка. А ты? Теперь ты колись.

Барбышев: Что я? Про меня у Высоцкого написано: «только русские в родне, прадед мой самарин».

Нателла: Не люблю Высоцкого совсем.

Барбышев: А я обожаю.

Нателла: Вот видишь? Я же говорила тебе, что мы не пара; а ты не верил.

Эсхрометр: Пи-и-ип!

Нателла: Это ты меня материшь?

Барбышев: Ты что? Я не матерился.

Нателла: Врёшь!

Эсхрометр: Пи-и-ип!

Барбышев: Честное слово.

Эсхрометр: Пи-и-ип!

Барбышев: Это точно не ты?

Нателла: Сейчас ударю. Больно будет.

Эсхрометр: Пи-и-ип!

Барбышев: Нателла, погоди, я догадался!

5

...В 12:30, после перерыва, нас ожидает доклад одного из открывателей эсхрометрии Л. В. Барбышева. Тема доклада: «Детериорация этического поля».

Краткое содержание: эффект Барбышева-Искандарашвили наблюдается не только при произнесении ненормативной лексики. Похожий эффект был зарегистрирован в присутствии человека, испытывающего чувство глубокой досады, сопряжённое с агрессией. Описывается эксперимент, позволяющий подтвердить возникновение эффекта в этом случае. Кроме того, приводится новый результат: после возникновения эффекта Барбышева-Искандарашвили наблюдается общее падение напряжённости этического поля. Это изменение невосстановимо.

6

– Ну чё?

– Ага.

– Шёл бы ты домой, Барбышев, всё равно от тебя толку никакого.

– А от тебя?

– Держись, не конец света пока.

– Но ты понимаешь, на что мы набрали?

– Ну, на очередную дырку в озоне.

– Так вот именно!

– Но ведь с дыркой-то живём пока! Сколько всего ужасов напредсказывали. Ты...

– Нател, но...

– Ша, Лёнька. Лучше скажи, как мы единицу измерения

назовём, а то послезавтра последний срок.

– Я про себя называю её «один ...й».

«Пи-и-ип!» – сказал эсхромметр.

– Лёнька, давай серьёзно. И вообще, давай попробуем завязать материться, раз уж мы поняли, чем это грозит, а?

– Попробую. Привык уже, трудно. Что, и «один хрен» нельзя? Видишь, и эта зараза не пищит.

– Лёнь, теперь представь себе, как ты лезешь на кафедру и говоришь: «Наблюдалось возмущение приблизительно хрена с два».

– Ну ты даёшь, Нателка! О, погоди, я придумал... я такую штуку придумал...

– Что?

– Возьми наши с тобой инициалы. Только вначале фамилию, потом имя. Без отчества.

– Ну? Барбышев Лион, Иска...

– Видишь? Получается БЛИН! Один блин.

«Пи-и-ип!» – сказал эсхромметр.

– Чего пищишь, скотина? От хрена не пищал, а блин тебе не понравился?

– Это он не на тебя, а на меня. «Чувство глубокой досады, сопряжённое с агрессией». Нам делом заниматься, а ты дурака валяешь.

...Полученная единица измерения названа нами бодуэном, в честь лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845–1929). В частности, возмущение в 1 бодуэн на поверхности площадью в 1 квадратный метр понижает интенсивность этического поля на 1 кирлиан.

Отметим, что значения глобальной напряжённости этического поля Земли, замеренные нами 14 июня прошлого года [4] и 14 июня нынешнего [11], отличаются на 241.1 секстильонов кирлиан: 132.6 в прошлом году и 108.5 в нынешнем. Мы предположили, что падение напряжённости вызвано негативными эмоциональными выбросами человеческого происхождения. В течение месяца мы провели аэроэсхрометрические измерения над поверхностью земного шара. Количество негативных эмоций (в бодуэнах в секунду) приведено в таблице А. Как можно видеть, значения колеблются от нуля (в некоторых районах Тихого океана) до 27 (например, в центре Москвы). Среднее значение негативных выбросов составляет полтора бодуэна в секунду. Учитывая поверхность земного шара (0.51 квадрильонов квадратных метров) и количество секунд в году ($365 \times 24 \times 60 \times 60 = 31\,536\,000$), общий негативный выброс за год должен сжигать 24.125 секстильонов кирлиан этического поля, что (при ошибке измерений $\pm 8\%$) соответствует независимо изме-

ренной величине.

Выводы:

а) падение напряжённости этического поля Земли является исключительно результатом негативных выбросов человеческих эмоций;

б) если интенсивность выбросов (полтора бодуэна в секунду) сохранится неизменной, через 4.5 года следует ожидать полного исчезновения этического поля вокруг земного шара. Последствия этого в рамках существующей теории предсказать невозможно.

8

– Лёнь, иди сюда скорее! Я всё поняла. Ой, классный букет, спасибо, Лёнь.

– Нателла, я хотел тебе сказать...

– Я тоже хотела тебе сказать, я вдруг ночью поняла...

– И я ночью понял. Но давай ты раньше.

– Хорошо, Лёнь. Помнишь в Библии древо познания добра и зла?

– Д-да...

– А потом потоп?

– Да, Нателла, да.

– Понимаешь, мы же выяснили, что этическое поле даёт живому организму интуитивное ощущение добра и зла. Это и есть яблоко! Представь себе, что первобытные люди испы-

тали уже когда-то исчезновение поля, а потом оно опять появилось. В легендах это могло отразиться как история с яблоком. Это и про бутылочное горлышко всё объясняет, помнишь, когда из всех человекообразных только гомо сапиенсы выжили, которые кроманьонцы с неандертальцами, а прочие не прошли. И Ева генетическая оттуда, помнишь?

– Да, да.

– А потом что-то произошло и поле снова исчезло, это был потоп. Всемирный. Я не знаю, что такое Ноев ковчег, но выжившие люди как-то смогли возродить поле... Я даже думаю, что у них была какая-то технология, а потом она исчезла, как у Азимова, помнишь?

– Да, да, помню.

– Ну вот, если через четыре года будет опять потоп, может, нам удастся придумать какую-то технологию восстановления поля?

– Может быть.

– И построить такой ковчег, и спасти кого-то.

– Да, наверное.

– А теперь давай ты, Лёнь, выкладывай, что ты ночью понял.

– Да ничего я не понял.

«Пи-и-ип!» – сказал эсхрометр.

Новости науки. Наши соотечественники, тридцатичетырёхлетний Лион Барбышев и двадцативосьмилетняя Нателла Искандарашвили номинированы на Нобелевскую премию по физике за создание и развитие эсхромо... эсхо... извините, пожалуйста. За создание и развитие эсхрометрии. Вчера на пресс-конференции Барбышев пожелал своей коллеге войти в книгу рекордов Гиннеса как самому молодому лауреату. Наш корреспондент сообщает, что Нателле Давидовне это не удастся, даже если премия будет ей вручена: в 1915 году Нобелевскую премию по физике вместе со своим отцом получил Вильям Лоуренс Брэгг, которому было всего двадцать пять лет. Тем не менее от души желаем нашим учёным успеха в Стокгольме. А теперь – о спорте.

10

- Лёнька, выходи за меня замуж.
- Что?
- Тьфу, прости! Я действительно не хотела. Женись на мне! Я хочу.
- Ты... чего вдруг?
- А ты разве не хочешь?
- Я всё время хотел, а теперь боюсь.

– Так ты не бойся. Я поняла, что если мне предложат выбросить на...

«Пи-и-ип!» – сказал эсхрометр.

– Извини, не хотела. В общем, не нужна мне никакая наука, если ты со мной не будешь, Лёник. Я эту штуковину молотком изобью.

«Пи-и-ип!» – сказал эсхрометр.

– Извини, это я негативную эмоцию выбросила. Я буду хорошая, я тебя изводить не буду... только по четвергам, ладно?

– ...Эх, Нателка... Нателка... белка...

– Меня в школе звали Тарахтелка. Нателка-тарахтелка. А белка – это можно. Белка – это ничего. Я покрашусь в белый цвет, потому что белка... к Нобелевской церемонии.

– Как к церемонии?

– Ты что, с ума сошёл? Нас же выбрали.

11

Наши славные предшественники, стоя в этом зале, использовали Нобелевскую лекцию для описания теорий и опытов, открывающих человечеству новый взгляд на мир. Юджин Вигнер сказал с этой кафедры: «Физика не пытается объяснить природу. Она пытается только объяснить закономерности в поведении вещей». Закономерности, которые обнаружили моя жена и я, находятся на стыке естественных и

социальных наук. С беспристрастностью, свойственной физическим законам, они сообщают нам о грядущем бедствии, подобного которому наша планета не видела уже многие тысячелетия.

С момента первых эсхрометрических замеров поверхности Земли уровень человеческого негатива в среднем не уменьшился: полтора бодуэна в секунду. Но треть срока, предсказанного нами полтора года назад, уже прошла. Через три года Земля останется без этического поля, а человечество – без интуитивных представлений об этике.

Мы верим, что такое уже происходило на Земле. Мы думаем, что легенды о Всемирном потопе и падении Атлантиды являются доисторическим отголоском гибели предыдущей цивилизации нашей планеты: гибели от этического голодания. Мы верим, что священные книги древних народов несут в себе частичное противоядие – в виде непреложных этических законов-заповедей, выполнение которых замедляет детериорацию поля.

Мы не знаем, возможна ли жизнь без этического поля. Мы даже не знаем почти ничего о происхождении этого поля. Насколько разница между жизнью сто лет назад и в наши дни обусловлена тем, что тогда поле Земли было, по-видимому, в десятки раз мощнее? Мы знаем, что и тогда случались войны, кровопролития, преступления, наконец, охота ради развлечения.

Мы считаем, что необходимо срочно мобилизовать все

ресурсы для исследования этой проблемы и способов её решения. Мы охотно жертвуем на это всю сумму нашей премии, как и сумму полученных нами за два последних года четырёх международных наград: мы опасаемся, что через три года эти деньги будет некуда вкладывать.

Пока способ не найден, мы хотим обратиться к жителям Земли с наивным и почти безнадёжным призывом: не будьте злыми! Впервые слова «доброта спасёт мир» становятся не фигурой речи, а реальным физическим законом.

12

...В центре сунэгбар-тусейбожа горел огромный противный тув, от которого медленно расползались ручейки разноцветной лавы. Все тавры, стоящие в очереди – их было не больше десятка, – грелись около этого тува, а люди – не меньше пятидесяти – предпочитали прятаться от жары по углам, где специально для них работали кондиционеры.

Павел неожиданно подумал о таврах без раздражения. В самом деле, чего раздражаться? Спасли, приютили до поры, обогрели... да, обогрели, не то слово... теперь охлаждают. Кондиционеры охлаждали температуру до плюс сорока пяти градусов – ещё чуть-чуть, и ни один тавр не мог бы находиться в помещении. Терпят ради нас, хотя сунэгбар-тусейбож был построен для своих. Настоящие ангелы небесные, хоть и с рогами. Вот что значит сильное – как его бишь? –

этическое поле.

Было и ещё одно приятное нововведение: на входе под надписью на местном языке красовалась самодельная, но приемлемая вывеска «БЮРО ПО ТРУДОУСТРОЙСТВУ». Заодно вспомним, как это называлось там, у нас, хмыкнул про себя Павел. В прошлом году, в общежитии для эвакуантов, девушка по имени Вита ловко рифмовала: «Сунэг-бар-тусейбож / для меня непригож, / не хочу я расстаться с последней из кож...» Вообще язык изо дня в день засорялся таврскими словами; Павел от души похвалил себя за то, что, думая только что о кондиционерах, не называл их жейтрадуннами.

Стоящий у входа бейшерр (ну да, как это по-нашему сказать – привратник? Швейцар? Охранник?) был человеком; его приветливое лицо было чем-то знакомо Павлу – то ли по общежитию, то ли ещё по той жизни. Бейшерр приветствовал безработных тавров и людей – каждого на своём языке – и раздавал всем анкеты.

– Лижандоожзкий! – раздался голос из-за одного из столов.

– Левандовский, – машинально поправил Павел и уселся напротив чиновника.

Это была тавриха, а не тавр – совсем недавно он твёрдо научился их различать по форме рогов. Поверх мохнатого тела на таврихе было некое подобие шубы, и всё равно она дрожала от холода.

– До-обрый де-ень, меня зовут Жнурр, – сказала она.

– Павел, – отрывисто произнёс он, хотя понимал, что его имя ей известно. – Я учитель физкультуры.

– Учи-итель физкульту-уры... – проблеяла Жнурр. – Есть заявки. Но вы можете работать при комнатной температуре?

– Шестьдесят градусов? Боюсь, что нет.

– Вот ви-идите... О! В Агайбагде хотят организовать школу-интернат для ваших детей, и там может понадобится учитель.

– Я слышал про ваш Агайбагд, – огорчённо сказал Павел. – О нём все слышали, вот беда. Там уже наверняка сто таких же, как я, слетелось... и половина, наверное, с блатом.

Жнурр сочувственно поглядела на Павла.

– Я не знаю, что такое «бла-ат», но, если там вы и сто таких, как вы, нет никакой причины выбрать не ва-ас. А вот если там будут сто таких, как вы, но вас там не бу-удет...

– Я понял, спасибо. Пошлю биографию.

– Искренне желаю вам успе-еха. Вы в каком городе жили там?

Павел ответил.

– О, так интере-есно: я видела альбомы! Музеи, произведения искусства, архитектура, восхити-ительно! Прекрасный город...

– Был, – сказали они хором и попрощались друг с другом.

По дороге на выход Павел ещё раз поглядел на симпатичного полужнакомого бейшерра – тот объяснял пожилой та-

врихе с выцветшим мехом, как заполнять анкету.

– Слушай, приятель, – окликнул его Павел. – Ты откуда так здорово по-ихнему выучился?

– Так я же в Байдажерне учусь, на физфаке.

– Молодец! – одобрил Павел. – А здесь тогда чего работаешь?

– Деньги нужны, – улыбнулся бейшерр. – Стипендия есть, но её не хватает, а у меня жена... на восьмом месяце.

– Крут! – диагностировал Павел. – Ты ж, наверное, мой ровесник?

– Мне сорок, – ответил бейшерр.

– И мне сорок! – обрадовался Павел. – А ты там чем занимался?

– Работал в институте, – весело сказал бейшерр. – Но тут наука такая, что нам ещё учиться и учиться.

– А я в школе работал, – сказал Павел. – Ладно, мне бежать пора. Меня Павел зовут. А тебя, кажется, Леонид?

– Почти, – сказал бейшерр. – Не Леонид, а Лион. Можно Лёней.

Мерси Шелли

Голос

Рассказ

Жил да был Голос. Он жил в телефонных проводах. Вернее, так: он жил в телефонных проводах, потому что больше нигде жить он не мог. Выражаясь более современным языком – у него не было Постоянного Носителя. Так бывает, хотя и не часто.

Откуда же взялся Голос? Мы не знаем. Может быть, возник сам собой. Говорят, что-то подобное может случиться, когда количество электронных переключателей на телефонных станциях мира достигнет некоторого критического порога – что-то вроде числа нейронов в человеческом мозге. А может, всё было и не так. Возможно, это был чей-то потерявшийся Голос. По крайней мере, самому Голосу второе предположение нравилось больше – это оставляло надежду на то, что он найдёт-таки свой Носитель.

Но найти было не так-то просто. Все люди, пользовавшиеся телефонами, имели свои собственные голоса, а наш Голос был очень ненавязчивым. То ли из боязни, что его обнаружат, то ли от какой-то особой природной скромности он никому не хотел мешать. Однако время от времени ему приходилось чуточку нарушать это правило...

Чтобы не умереть.

Дело в том, что Голосу нужно было всё время говорить, а точнее – разговаривать. И поскольку никого другого в проводах не было, он мог разговаривать только с людьми, которые пользовались телефонами. Конечно, он не говорил им, кто он на самом деле. Он просто изображал других людей. За свою не очень долгую жизнь (мы полагаем, что он родился в 60-х годах в Соединённых Штатах – но никто, конечно, не знает точно)... так вот, за всё это время он прослушал уйму телефонных разговоров и мог при желании прикинуться и маленькой обидчивой девочкой из Норвегии, и иранским полковником авиации в отставке, и любым другим человеком.

Сам он почти никогда никому не звонил. Только в крайних случаях, когда ничего другого уже не оставалось. Тогда он звонил кому-нибудь наугад и делал вид, что не туда попал. Или что он проводит телефонный опрос на тему: кого вы больше любите – кошек или собак? «Пежо» или «Тойоту»? Были у него и другие игры подобного рода. Но, как мы уже сказали, он был очень ненавязчивым Голосом, и делал так только тогда, когда больше говорить было не с кем. А говорить, точнее, разговаривать, было для него самым главным в жизни.

К счастью, телефонная система мира была огромной и шумной: в среднем, каждую минуту на планете происходило около шестисот двадцати тысяч телефонных разговоров. Го-

лос слушал и выбирал. Услышав, что где-то включился автоответчик и голосом хозяйки телефона сообщает, что никого нет дома, Голос мчался по проводам к этому телефону, и – оп! – звонящий на том конце провода слышал, что хозяйка телефона, прервав свой автоответчик, отвечает сама. Конечно, это был Голос. Он переключал звонящего на свою линию и отвечал ему нежным голосом его девушки: «Ой, привет, я только вбежала, слышу – а ты уже мой автоответчик ругаешь!»

Звонящие никогда не догадывались, что их немножко обманывают. Конечно, Голос не знал многого из их жизни и иногда ошибался. Но он быстро научился сдвигать разговоры в такие области, где вовсе не нужно знать, кто где родился, сколько у кого детей и денег, и так далее. Да люди и сами частенько любят поболтать на отвлечённые темы или вообще ни о чём. Если же иногда и выходила промашка, то Голос притворялся простуженным или устраивал в трубке помехи.

Иногда Голос даже помогал своим собеседникам. Когда он слышал, что кто-то в сердцах бросает трубку, он перехватывал линию в самую последнюю минуту и говорил человеку, оставшемуся на проводе: «Ладно, извини, что-то я разорался сегодня... Устал на работе. Так и быть, мы поедём летом на озеро... только не называй меня больше занудой!» А потом звонил бросившему трубку и, изменив голос, говорил: «Спокойной ночи, милый... Я была не права, не обижайся, пожалуйста. Это же ясно, что ты устал сегодня и не в духе

обсуждать планы на лето... Давай лучше поговорим об этом в выходной».

Так и жил Голос, разговаривая. Вернее – жил разговорами. Он не мог жить без разговоров. Если он чувствовал, что говорящий с ним человек собирается дать отбой, он снова начинал «вполуха» прослушивать всю мировую телефонную сеть. И заканчивая один разговор, тут же перескакивал на другой. А как он начинал разговоры, вы уже знаете.

#####

Так и жил бы себе Голос в проводах, разговаривая со всем миром и не особенно сожалея о том, что нет у него Носителя. Но случались с ним и неприятные приключения.

Однажды он застрял в телефоне-автомате провинциального городка: сильный ветер порвал провода, и Голос не мог вернуться в мировую телефонную сеть из маленькой местной сети автоматов. Автоматы были исправны, но не имели связи с миром из-за обрыва кабеля.

Единственное, что спасло Голос, – на вокзале в одной из кабинок трубку не повесили на рычаг, и она болталась на проводе, издавая гудки. Голос весь сконцентрировался в этих гудках, они стали громче, сложнее, и звучали теперь почти как мелодия, сыгранная на органе. На вокзале было много людей, они знали, что телефоны сломались – но они разговаривали между собой, Голос мог слышать их слова, осо-

бенно когда они говорили недалеко от его автомата. А люди, проходя мимо, могли слышать его музыкальные стоны из трубки. Пару раз какой-то ребёнок подходил к его будке, слушал гудки, потом брал трубку в руки и кричал в неё: «Алло, мама, алло!» Позже кто-то другой – взрослый, но не совсем нормальный – долго ругал телефонную станцию, обращаясь непосредственно к тому аппарату, где застрял Голос.

Конечно, это были не разговоры, но Голос выжил, проведя жуткую ночь в лихорадке коротких гудков и отрывочных фраз, почти не чувствуя себя, но чувствуя, что ещё жив. Так иногда себя чувствуют заболевшие люди – ничего, кроме пульса, который накатывается и отступает, как большая груда красных камней или громкие гудки в трубке неисправного телефона...

Наутро линию починили, и Голос вернулся в мировую сеть в сильном испуге. С тех пор он стал осторожнее и избегал телефонов в таких местах, связь с которыми может легко прерваться. Но был и другой случай, который напугал его ещё больше.

Дело было в Нью-Йорке – в большом городе со множеством телефонов, где, казалось, ничего плохого не может случиться. Голос болтал с одним пьяным банкиром, звонившим из бара домой. Жены банкира на самом деле не было дома, и Голос успешно изображал её неискренний смех... когда вдруг почувствовал, что слабеет: напряжение падало, падало очень быстро. Это был тот самый, знаменитый black-out

Нью-Йорка, неожиданное отключение света, которое принесло сотни самоубийств во внезапно обрушившейся на город темноте.

Но темнота не страшила Голос – ему грозила обыкновенная смерть на быстро остывающих микросхемах, потому что на телефонных станциях электричество тоже пропало. Существовали, конечно, телефонные сети других городов и стран. Но он знал, что не успеет перегруппироваться так быстро – Нью-Йорк был слишком серьёзным «нервным узлом», а напряжение в сети падало с катастрофической скоростью.

И тогда он решился на отчаянный шаг. Он, собственно, и не догадывался, что такое возможно. Дикая и спасительная идея пришла к нему в голову... да нет, не в голову, ведь не было у него никакой головы! – но именно мысль о голове и пришла к нему в ту секунду.

Он оккупировал мозг пьяного банкира.

Это вышло так неожиданно – сумасшедший порыв, только бы выжить, даже о ненавязчивости своей он позабыл совершенно – и первой мыслью после скачка была радостная мысль о том, что он ещё жив. Но сразу же вслед за этим Голос ужаснулся и своему поступку, и тому, куда он попал.

Всё было ненамного лучше, чем тогда в автомате. Мозг банкира оказался жуткой помойной ямой. Человеческие нейронные сети по своему устройству были космически далеки от привычных Голосу телефонных сетей. А алкоголь,

темнота и паника только усугубляли хаос: образы, приходившие из реального мира через органы чувств, причудливо перемешивались с сюжетами из банкирова прошлого и с какими-то уж совсем сюрреалистическими картинками, нарисованными больным воображением этого человека, который провёл слишком много времени среди бумаг с колонками цифр.

И теперь уже не музыкальным гудком из трубки, а нечеловеческим криком из человеческой глотки кричал Голос. И словно в ответ ему закричали сотни других голосов Нью-Йорка, погрузившегося в темноту...

#####

Мы не знаем, что случилось дальше с банкиром, мозг которого Голос занял во время «затмения». Но сам Голос наутро опять был дома, в проводах мировой телефонной сети. После этого он провёл две недели, кочуя между Японией и Европой: слишком сильно его напугали Штаты, и он отдышал подальше от них, наведываясь даже в Россию, где телефонные линии не отличались качеством, зато разговоры были самыми длинными и интересными.

Именно в это время, после нью-йоркской истории, он всерьёз задумался о Постоянном Носителе. Как мы говорили раньше, он считал себя чьим-то потерянным голосом. Предположение, что он родился таким, какой есть, без Носите-

ля, ему совершенно не нравилось, и он старался отогнать эту мысль подальше.

Но вредить голосам людей, захватывая их носители, не хотелось. Кроме того, после случая с пьяным банкиром Голос понял, что человеческий мозг ему вообще не подходит – он был совершенно другим существом. И тогда он начал искать, пробуя всё, к чему имел доступ.

Он начал с компьютеров – их в то время как раз стали соединять друг с другом через телефонные провода. Голос легко научился превращаться в текст и вступать в дискуссии в конференциях и электронных чатах. Но говорить не голосом, а текстом было для него... ну, всё равно как для человека – пытаться рассказывать что-то с завязанным ртом. Да и разговоров тогда в сетях велось маловато, а ответы в них зачастую приходили с большим опозданием.

Потом он нашёл несколько интересных военных проектов, однако там многослойная система секретности исключала свободное переключение с одного разговора на другой. Да и о многом ли поговоришь с военными или через военных, будь у тебя даже самый хороший Носитель?

Что касается телевидения – у Голоса ничего не получалось с изображением. Если тексты казались ему слишком простым и медленным языком, то телеизображение, наоборот, было языком сложным и вообще иностранным. К тому же и тут было больше монологов, чем разговоров.

На радио дело обстояло значительно лучше. Голосу даже

удалось симулировать небольшую весёлую радиостанцию, для которой он подыскивал специальный телефон. Аппарат находился в подсобке одного института – помещение было завалено мебелью, и никто не помнил, что там есть телефон. Так что Голос мог спокойно давать этот номер слушателям своих ток-шоу. И слушатели, сразу же полюбившие новую радиостанцию, постоянно звонили ему, чтобы поговорить с разными знаменитостями, которых он с лёгкостью «приглашал» – то есть просто говорил их голосами. Это было, пожалуй, самое счастливое время в его жизни, и он снова стал забывать о том, что у него всё-таки нет Носителя...

К сожалению, через полгода подпольная радиостанция стала такой популярной, что скрываться было уже невозможно. Люди из Налогового Управления разыскали и заброшенный телефон, и передатчик, которым пользовался Голос. Передатчик, кстати сказать, стоял всё это время на выставке в магазине радиоаппаратуры. Это была демонстрационная стойка, её исправно включали каждое утро. Владельца магазина оштрафовали на крупную сумму за несанкционированный выход в эфир, хотя для него самого, как и для многих других людей, эта история так и осталась большой загадкой. Впрочем, в деле о фальшивой радиостанции фигурировал и другой передатчик, находившийся на трансатлантическом лайнере. Как разобрались с ним, нам не известно; но похоже, всё действительно было не так просто, как могло показаться вначале.

После краха радиостанции Голос вернулся к перехвату автоответчиков и к другим старым играм, позволявшим ему постоянно говорить, а точнее, разговаривать. И опять мысли о Носителе подтолкнули его на поиски.

И он нашёл.

Это была огромная компьютеризированная Фонотека Голосов и Звуков, совмещённая с суперсовременной студией звукозаписи – обе только что выстроили и запустили в работу в Голливуде. Голос изучил возможности Фонотеки и понял, что может незаметно взять её под контроль. И тогда ему больше не придётся прятаться и бегать с места на место.

Мы не знаем, что именно Голос хотел сделать с Фонотекой. Одно было ясно – она ему очень понравилась. Он собирался оставить свою беспокойную жизнь среди хаоса телефонного мира и переселиться в Студию-Фонотеку насовсем.

###

Здесь недалеко уже и до конца нашей истории о Голосе, жившем в телефонных проводах. Потому что Голос так никуда и не переехал. Всё случилось случайно – именно так, как оно обычно и случается.

Перед самым переселением в Фонотеку-Студию Голос в последний раз отправился поиграть в «не-туда-попал». Он набрал наугад номер и попросил к телефону какого-то выдуманного господина. Девушка, поднявшая трубку, конечно,

сказала «Вы не туда попали». Но звучала она при этом как-то уж очень разочарованно. Словно она давно ожидала звонка, и вот телефон зазвонил, но спросили совсем не её. Поэтому, вместо того чтобы извиниться и дать отбой, Голос решил поболтать с ней.

Девушка тоже была не против и как будто даже обрадовалась, когда незнакомец спросил о причине её грусти. Она рассказала, что живёт в крупном городе, но у неё совсем нет друзей и часто просто не с кем поговорить. А говорить, точнее, разговаривать, она любит, но очень стесняется. А если она вдруг начинает с кем-нибудь говорить, разговоры постоянно заходят куда-то не туда, и от этого она замыкается ещё больше. Вот почему у неё нет друзей, и она сидит в одиночестве дома, и разговаривает лишь с wind-chimes, что висят у неё на балконе.

Голос, при всей его образованности, не знал, что такое wind-chimes. Девушка объяснила, что это просто три медные трубки, а между ними висит на нитке деревянный кругляш. И когда дует ветер, кругляш качается и постукивает по трубкам – так wind-chimes играют, а она с ними разговаривает, продолжая свистом то, что они начинают. Или сама на-свистывает какую-нибудь мелодию, а wind-chimes подхватывают за ней. Игрушку эту она купила три года назад в индийском магазинчике сувениров, когда ездила на каникулы в один из западных штатов.

Рассказывая об этом, девушка вынесла телефон на бал-

кон, чтобы дать незнакомцу послушать странные звоны, которые издавали три трубочки на ветру.

Голос никогда не слышал в своих проводах ничего похожего на эту музыку ветра, и всё же... Было в ней что-то знакомое, что-то от телефонных звонков – не от нынешних электронных пищалок, а от старых простых механизмов, где маленький молоточек постукивал по двум металлическим чашечкам внутри телефонного аппарата. Но мелодия wind-chimes была ещё чище, древнее... Голосу показалось, что он смутно припоминает что-то похожее... но он так и не смог понять, что это.

Не менее любопытным явлением был для него и свист. Раньше он уже слышал, как люди свистят, и ему это очень нравилось – наверное, из-за сходства свиста с некоторыми из тех сигналов, что слышатся иногда в телефонных трубках. Но люди почему-то свистели очень редко. Голос даже узнал, что свистеть – плохая примета. Как-то раз одна русская женщина сказала присвистнувшему в трубку мужу: «Не свисти, денег не будет!» А в другой раз, в разговоре английских морских офицеров, Голос подслушал старинную поговорку, где говорилось о трёх вещах, которых нужно бояться, – третьей в списке шла «свистящая женщина».

Голосу оставалось только гадать – что плохого в свисте?! Может быть, думал он, люди чаще свистят в каком-то особом настроении, когда остаются одни и не говорят с другими по телефону, потому что нехорошо показывать это настроение

всем подряд?

Но не свист и не музыка wind-chimes были главным, что привлекало Голос в новой знакомой. Главным было то, что она любила разговаривать, а разговаривать ей было не с кем! И Голос решил, что пообщается с этой девушкой ещё какое-то время, а его проект с Фонотекой пока подождёт.

И они стали подолгу разговаривать каждый день. Она рассказала ему простую и недлинную историю своей жизни, а он в ответ сочинил историю о себе. Он даже сказал ей, что вовсе не ошибся номером, а позвонил ей специально, поскольку однажды приезжал в её город, видел её, и она ему очень понравилась, так что он незаметно проводил её до самого дома, узнал адрес, а по адресу – телефон; и, вернувшись в свою далёкую родную страну, позвонил ей. За миллионы своих телефонных бесед Голос стал настоящим экспертом по человеческой психологии, и потому рассказанная им история выглядела удивительно правдивой. Девушке даже стало казаться, что она вспоминает высокого симпатичного незнакомца, который пристально посмотрел на неё где-то месяц назад... в магазине... или на той вечеринке... а может быть, это случилось на выходе из метро около её дома?..

Общаться с Голосом было просто чудесно! Знал он много, а если чего-то не знал, то мог найти, пользуясь, в буквальном смысле этого человеческого выражения, «своими старыми связями». Самым интересным человеческим языком Голос считал музыку. Он не знал, что это, в общем-то, не

язык, но такое незнание совсем не вредило, даже наоборот. Не прошло и двух месяцев со дня их знакомства, как его собеседница научилась разбираться во всех музыкальных течениях, от классики и народных мелодий разных стран до самых последних психоделических экспериментов. Владельцы музыкальных студий и магазинов расшибались в лепёшку, чтоб ублажить щедрого клиента, который просил их поставить то одну, то другую запись по телефону. Потом они рвали на себе волосы, когда узнавали, что Голос назвал им несуществующий адрес и чужой номер кредитной карточки – а тем временем собеседница Голоса восхищалась разнообразием аудиоколлекции своего загадочного поклонника.

Самому Голосу тоже очень нравилось общаться с девушкой. Если пользоваться человеческим языком, можно сказать, что он просто влюбился в неё. Нам уже доводилось употреблять человеческие понятия, когда мы рассказывали, чего он «боялся» и что ему «нравилось». Но, если честно, мы не знаем, могут ли Голоса любить – хотя говорят, можно влюбиться в чей-то Голос. Возможно, он просто не хотел разрушать иллюзий своей замечательной телефонной подружки, которая думала, что он её любит, да и сама уже не представляла, как бы она жила без него.

Одно было ясно: он разговаривал с ней, разговаривал много, а значит, жил. Может, этого и достаточно, и не нужно тут ничего и ни с чем сравнивать.

Тем не менее, чтобы она не привыкла к нему одному

слишком сильно, он выдумывал для неё новых друзей и подруг, с которыми она тоже «знакомилась» по телефону. Они читали ей сказки и стихи, рассказывали анекдоты и новости, жаловались на болезни и разные глупости мира, советовали хорошие книги и музыку. А иногда спрашивали и её совета по какому-нибудь вопросу. Всё это был Голос.

Позже он стал подыскивать для неё и настоящих друзей – людей, которые интересовались тем же, что и она, или просто подходили ей в компанию, и жили неподалёку. Удивительно, как много таких людей оказалось вокруг! Она, возможно, сталкивалась с ними в супермаркете, по утрам входила вместе с ними в метро, но никогда не заговорила бы с ними, если бы не Голос. В то время как она спала или училась, он знакомился с ними сам, занимаясь своими обычными телефонными играми. А потом как бы невзначай давал им её телефон.

Девушка больше не была одинокой и скованной. Благодаря Голосу она стала образованной и общительной, и теперь её собственные успехи помогали ей. Новые знакомства не ограничивались разговорами по телефону, и вскоре неплохая компания образовалась вокруг неё и расширялась уже не благодаря Голосу, а благодаря ей самой и её друзьям.

Но лучшим её другом оставался, конечно, Голос. Только вот встретиться с ним ей никак не удавалось. Он выбивался из сил, чтобы снова и снова придумывать, почему им нельзя увидеться – и придумывать так, чтобы её не обидеть.

А с другой стороны, он не хотел оттолкнуть её своей нереальностью. И он добился, чтобы она представляла его совершенно отчётливо. Для этого ему пришлось придумывать свою личность с точностью до мельчайших подробностей – начиная с болезней, которыми он болел в детстве, и преподавателей, которых он не любил в институте, и кончая родиной на правом локте, сломанным на боксе носом и любимым блюдом: им оказался майонез, который он добавлял во все остальные блюда.

###

А вот и самый конец истории о Голосе, который жил в проводах телефонной сети, и искал себе Постоянный Носитель, и даже как будто нашёл – но неожиданное знакомство, переросшее в долгую дружбу, изменило его планы. Мы уже рассказали, как благотворно влияло общение с Голосом на его собеседницу, которая из незаметной, застенчивой золушки превратилась в милую и обаятельную принцессу с целой свитой друзей и поклонников. Но ни она, ни даже сам Голос не знали, что их телефонная дружба влияет и на него. И влияет совсем не так, как хотелось бы.

В одно прекрасное утро Голос, следуя давнему уговору, позвонил своей собеседнице, чтобы разбудить её. И сразу заметил, что звучит она в этот день как-то по-новому. А она бросилась рассказывать, как повстречала вчера одного за-

мечательного человека, и какие чудесные цветы он ей подарил... Ещё не дослушав её рассказ до конца, Голос понял: произошло то, что и должно было когда-нибудь произойти. И теперь ему пора уходить, поскольку он сделал своё дело и дольше оставаться здесь незачем.

Девушка между тем вышла с трубкой на балкон, продолжая рассказывать, что замечательный человек придет за ней с минуты на минуту, и они отправятся в гости к знакомому, известному художнику. «А вот и он!» – воскликнула она радостно. Видимо, увидела машину, подъезжавшую к дому.

«Ну и ладно,» – подумал Голос. Он начал прощаться с девушкой и вдруг обнаружил...

...что ему некуда идти!

Он больше не слышал других телефонов! Это было примерно так же, как тогда на вокзале, когда Голос отрезало от всего мира в будке сломанного автомата. Но сегодня всё обстояло гораздо хуже. Провода не были порваны ветром. Это он больше не был тем Голосом, который свободно по ним путешествовал!

А ведь он замечал нечто подозрительное и раньше, но не придавал значения этим сбоям – слишком занят был разговорами с девушкой и устройством её компании. И только сейчас всё выстроилось в очевидную цепь. Сначала он ограничился одним государством и не заметил, как быстро лишился доступа к телефонам других стран. Затем, подбирая друзей и подруг для своей собеседницы, он сконцентриро-

вался в сети одного города, в трёх АТС одного района... Вероятно, ещё вчера он мог дотянуться до телефонов сотен людей. Но он больше не общался с сотнями людей! И сегодня он оказался голосом, звучащим только в одной трубке.

Он больше не был Голосом!!!

Он был теперь незнакомцем, высоким и симпатичным, и даже не незнакомцем вовсе: на локте у него была родинка, в детстве – ветрянка, он добавлял майонез во все остальные блюда, а очки никогда не сидели прямо на его переносице, чуть искривлённой в молодости на боксе. Он стал вполне узнаваемым человеком, старым добрым приятелем...

Но человек этот существовал лишь в воображении девушки, которая в это время нетерпеливо постукивала каблучком о балконный порог и скороговоркой шептала в трубку: «Ну всё-всё, я бегу открывать, счастливо! Я позвоню тебе вечером!..» А он, слышавший миллиарды людских историй, уже знал, что вряд ли она позвонит так скоро. Разве что через месяц или через полгода, когда...

Но он-то не мог прожить даже дня, не разговаривая! И тысячи разговоров, начинающихся и кончающихся в эту минуту в мировой телефонной сети, были ему теперь недоступны.

«Ну счастливо!» – сказала она ещё раз и занесла руку с трубкой над аппаратом, чтобы дать отбой. Он уже не мог рассказать ей, кто он на самом деле и что с ним случится, если она это сделает. Да и она всё равно не поверила бы ему сейчас. Он вспомнил историю с нью-йоркским банкиром, но

сразу прогнал эту вредную мысль прочь – он зарёкся повторять нечто подобное с людьми. К тому же его принцесса была совсем непохожа на того пьяницу...

И в тот миг, когда трубка уже летела в своё гнездо, зацепившийся за балкон ветер качнул wind-chimes. Они звякнули тихо-тихо – но тот, кому уже нечего было терять, услышал. Это произошло чуть раньше, чем рычажок погрузился в корпус, прерывая связь, – но даже такого короткого промежутка времени было достаточно для того, кто ещё недавно мог облететь Землю за миллисекунду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.